

Колосов Игорь

Сердце Скорпиона

1. ДВОЕ И ОДИН. ОДНА И ДВОЕ

1

Двое выглядели странно, хотя – Марат осознал это позже – никто не обращал на них внимания. Не так, как смотрели бы на необычных людей на малолюдной улице.

Мешковатая одежда с бахромой, странные значки-рисунки. Неопрятные короткие бороды, длинные волосы. И двигались они как-то не так: казалось, им непривычна сама ходьба. Все это стало ясно задним числом, когда Марат совершил то, что совершил, и многое получилось не так, как планировалось сначала.

Он сидел в машине возле подъезда, где недавно жил его брат. Ожидание затягивалось, и он был к этому готов. Марат на это настраивался. Покинуть наблюдательный пост могла заставить лишь малая нужда, но Марат решил проблему: приготовил пластиковую бутылку. Он просидит, сколько понадобится. Те, из-за кого погиб его

младший брат, придут. Обязаны прийти. Их появление – вопрос времени.

Минуты превращались в часы, и Марат все чаще погружался в прошлое. Илья был для него скорее сын, нежели брат. Неудивительно: семнадцать лет разницы. Мать объявила о беременности, когда Марат перешел в последний, выпускной, класс. Он смутно помнил свои ощущения. Не было благоговения, какого-то ажиотажа, лишь спокойная, тихая радость, не более. Истинные чувства возникли потом. Мать болела, ей было тяжело: довлела угроза выкидыша, и это не считая ее возраста – не самая лучшая пора для материнства.

Несмотря на ситуацию – Илья уже мертв, – Марат улыбнулся: вспомнил, какое имя предлагал для еще не рожденного брата. Мать всего лишь поинтересовалась его мнением и получила диковинный вариант: Сильвестр. Слай Сталлоне был тут ни при чем: Марат не развешивал подобно своим сверстникам на стенах плакаты с героями боевиков, как было в конце восьмидесятых, он и фильмы-то эти в тесных видеосалонах почти не смотрел. Марат смутно помнил, почему именно Сильвестр был в тот момент его самым любимым именем. К счастью, обошлись российским вариантом. Сильвестр было бы очень вычурно.

В дальнейшем Марат занимался Ильей

больше, чем родители вместе взятые. Он его вырастил, привил множество привычек – не самых плохих, выпестовал мировоззрение. Илья был для него не просто брат. Марат так и не женился, не завел детей, и вряд ли это случится в ближайшем будущем. Он бы хотел, но... Вся надежда на продолжение рода была на Илью. И девушка у него была, с которой он встречался года три, не меньше. Свадьба давно назрела.

И вот он мертв. Единственное, что осталось Марату, дабы не сойти с ума и за что-то зацепиться – отомстить. Наказать тех, из-за кого все рухнуло. Из-за кого мать едва ли не парализовало, и она лежала днями, бессмысленно глядя в потолок.

Они придут. Илья был должен им денег, и, кто знает, может, в его квартире есть что-то ценное или просто нужное им. В любом случае у Ильи есть родственники, на которых можно перевести долг. Что ж, милости просим. Нужно ждать, несмотря ни на что. Неизвестно, где сейчас его подруга – она тоже может вернуться. Если еще жива. Иных вариантов все равно не было. Марат не знал этих людей: ни единого имени, ни адресов, ни даже намеков на то, где и как их искать. С трудом он признал, что оказался не готов к такому повороту Судьбы. Не готов абсолютно.

Хорошо, что он знал большинство соседей Ильи, это облегчало задачу. Пятиэтажный дом

находился в тихом районе возле Малахитовой улицы, не верилось, что поблизости гудел проспект Мира. Подступы просматривались хорошо, прохожих мало, любой посторонний человек бросится в глаза.

Эти двое не могли остаться незамеченными.

Марат никак не мог определить, что в них не так. Что-то в походке? Они появились со стороны двора соседнего дома, прошли плечом к плечу, задержались возле двери с домофоном, обклеенной объявлениями, но, как показалось Марату, номер квартиры они не набирали, а открыли дверь сами.

Они? Те, кого он ждал и караулил несколько дней подряд? Кроме них, на эту роль больше никто не претендовал. Один – полный, чуть выше напарника, волосы рыжие и длинные, как и борода. Второй выглядел поджарым, более подвижным. Темноволос, лицо – бороды нет, только усы – не такое грубое и противоестественное, как у первого типа, и все же он был не таким, как большинство. У него и одежда казалась темнее.

Марат достал из-под сиденья пистолет, проверил, снял с предохранителя, застыл, сжимая оружие. Странная парочка вошла внутрь, и нечто ему шепнуло: вперед, иначе будет поздно.

Он ждал этого момента, однако, когда момент наступил, мандраж оказался сильнее. Понадобились долгие напряженные минуты, прежде чем Марат

покинул машину, двинулся к подъезду. Это они. Кому тут еще быть? Они – явные чужаки, которые пришли сюда впервые. Потому и показались ему странными, они – из тех, кого он ждал.

Мамаша с коляской появилась в тот момент, когда Марат приближался к двери. Он не знал, пройдет ли она мимо или войдет в тот же подъезд, но на всякий случай достал мобильник и сделал вид, что разговаривает. Мамаша прошла мимо. Марат подался к подъезду, набрал нужный код – он давно знал его на память, – вошел. Не прислушиваясь, не ожидая чего бы то ни было, Марат пошел наверх.

Как он не старался, шаги порождали звуки, пусть и приглушенные, но достаточно, чтобы кто-то, наостривший слух, засек его. Возникла дилемма: подниматься, сделав вид, что он здесь живет, или замереть в ожидании? Марат выбрал некий третий вариант. Поднялся на пару этажей, стал возиться с барсеткой, делая вид, что ищет ключи: он бормотал приглушенные проклятья, перекладывал пару вещей в барсетке до бесконечности, вздыхал, охал и начинал по новой.

Ничего не изменилось. Он ничего не услышал, не пришел к какому-то выводу. Странная парочка исчезла в одной из квартир. За дверями – которые он видел и которые не были в поле зрения, – стояла тишина, вязкая и категоричная. Он подумал

сдаться, но что-то вынудило его напрячься и задержать дыхание. Он что-то услышал.

Марат простоял минут пять, не меньше, когда нетерпение и затекшие мышцы ног и спины вынудили его пойти вперед. Ему померещилось, он был уверен. Тем неожиданней и правдоподобней оказался всхлип, который уловил слух Марата между вторым и третьим этажами. Он застыл, отыскивая глазами источник. Третий этаж, квартира справа? Снизу, на втором этаже – квартира брата. Это как-то связано? Парочка сначала проникла к его соседям?

Марат медленно и бесшумно подошел к двери квартиры, из которой ему послышался звук. Опустился на корточки, приложил ухо к замочной скважине. Ничего.

И снова – всхлип, идущий откуда изнутри человека. Полный боли или горя.

Там кого-то пытаются?

Марат вытащил из-за пояса пистолет. Минуту назад он спрашивал себя, сможет ли своей простенькой отмычкой бесшумно открыть дверь, хотя бы попытаться? Сейчас Марат должен ворваться в квартиру. Не проникнуть, именно ворваться. Если типы как-то связаны со смертью его брата, нужно действовать, не опасаясь последствий, связанных с полицией. Хотя Марат понимал, что его могли увидеть соседи, и позже

оперативники насядут на него, имея все основания, это казалось далеким – и, главное, неопределенным – будущим.

Марат присмотрелся, убедившись, что дверь открывается вовнутрь, сделал пару шагов назад, упершись спиной в дверь квартиры напротив, рванулся и ударил в преграду.

Дверь распахнулась, он повалился на пол прихожей, едва не ударившись головой в стену напротив. Кажется, дверь не запирали, но сейчас это уже не имело значения. Падая, он увидел тех двух типов и старика – соседа Ильи.

Сосед выглядел жутко, и происходящее казалось абсурдным: Марат не мог объяснить себе увиденное. Что вообще происходило?

2

Она выглянула из-за дерева, изучила двор. На этот раз она не ошиблась и пришла, куда нужно. Но полной уверенности еще не было. Со своей позиции она видела детский велосипед, пару игрушек у крыльца, машинки. Во всяком случае, здесь живет мальчик.

Тот ли он, кого она искала?

Она могла ждать, но ожидание играло против нее. Что если Соперник где-то поблизости? Она

надеялась, что это не так, но быть могло что угодно.

Она достала «Узи», перепрятала его под курткой, взяла в руки короткоствольный помповый дробовик R-12. Действовать прямо сейчас? Она колебалась. Если она выйдет в тот момент, когда Соперник окажется поблизости, но не на открытом месте, засев в засаде, поединок, скорее всего, закончится не в ее пользу. Соперник настроен на то, что бы убивать всех подряд, ей же необходимо забрать мальчика с собой. Положение неравное.

Сколько ждать?

Ответ пришел быстрее, чем она рассчитывала. Она уловила сразу два движения в разных точках. Задняя дверь дома начала открываться, выпуская на веранду семилетнего мальчишку в шортах и майке. Одновременно крупный мужчина – Соперник! – выскочил из-за забора, заросшего сиренью, размахивая автоматом CAR-15.

Она могла бы прицелиться в него, но в этом случае Соперник наверняка пальнул бы в пацана и, возможно, попал бы. Не допуская этого, она лишила себя шанса быстро прикончить врага. Она издала гортанный короткий вскрик, выстрелила.

Она промахнулась, но Соперник на секунду-другую забыл о мальчике, повалившись на правый бок и стреляя в нее. Она побежала к задней веранде, пригнувшись, не выпуская из поля зрения врага, пока угол дома не скрыл его.

– Не выходи!

Мальчишка – ошеломление до Небес! – застыл, глядя на бегущую невысокую женщину в черном, гибкую и проворную, как кошка. И в чем-то такую же грациозную. Она зацепилась одной ногой, но равновесие не потеряла. В последний момент мальчик попятился с расширенными глазами, повернулся к двери, но убежать не успел.

Она настигла его, схватив за плечо, оттаскивая от двери. И вовремя. Внутри слышались выстрелы. Соперник в своем стремлении рванул в дом через парадную дверь.

Она колебалась всего лишь несколько секунд. Хлопнула мальчика ладонью по плечу, как припечатала.

– Стой на месте!

Она распахнула заднюю дверь, проскользнула внутрь. Он так и остался на задней веранде, неподвижный, сжатый огромными валунами: скоростью происходящего, волей гибкой женщины-кошки, страхом и пальбой внутри дома. Ноги онемели, дыхание сперло, и, хотя ему показалось, что женщина-кошка отсутствовала долгие-долгие минуты, когда она появилась, мальчик, наконец-то вздохнул.

В очередной раз она издала свой коронный гортанный возглас и в очередной раз пальнула –

дала очередь из автомата – куда-то внутрь дома. Мальчик распахнул рот шире, чтобы предупредить ее: там же папа и мама, но ни слова у него не вырвалось.

Женщина подхватила его одной рукой и, удерживая подмышкой почти в горизонтальном положении, понеслась к забору через задний двор. Не будь он в состоянии аффекта, мальчик поразился бы, насколько легко она несет его, удерживая в невообразимом положении. Причем бежала она боком – в вытянутой левой руке она по-прежнему держала автомат, готовая стрелять при появлении врага из дома.

Преодолевая забор, она замешкалась – как оказалось, мальчик вышел из транса и уцепился руками за доски.

– Мама!

Одним коротким движением она сорвала его руки, и мальчик вскрикнул от боли.

– Они мертвы!

– Мама!

– Он убил их!

Будто подтверждая ее слова, на крыльцо выскочил мужчина и тут же повалился на доски веранды, когда женщина-кошка выпустила очередь. Пули вынесли окно слева от двери, выбили из двери щепу. Соперник выстрелил в ответ, и одна пуля зацепила мальчика – тот зашелся криком. Женщина

повалилась на землю с другой стороны забора, прижимая паренька.

Не выпрямляясь в полный рост, она поспешила прочь, глядя то назад, на двор, то на кустарник впереди. Не выпуская ни парня, ни автомат, она набирала скорость, пока не вонзилась в кустарник. Она выпустила мальчика, развернулась, вскинула автомат, застыла.

Соперник полез через забор, убедившись, что беглецы исчезли из поля зрения. Он глухо вскрикнул, свалившись обратно во двор. Ругаясь, он вставил дуло автомата в щель в заборе, дал очередь. Беглянка распласталась на земле среди кустарника, потянула мальчика за собой, не давая ему подняться. Соперник, чертыхнувшись, полез через забор.

Женщина подняла мальчика, выдохнула ему в ухо:

- Беги, если хочешь жить.
- Папа и мама...
- Они погибли, ты еще жив. Думай о себе.

Она не отпускала его локоть, направляя. Он несколько раз спотыкался, она удерживала его, вынуждая бежать дальше. Они одолели квартал, увидели с десяток припаркованных автомобилей, и женщина в черном, продолжая оглядываться, потянула мальчика через улицу.

Из второй с краю машины, белой «Тойоты»,

выходил водитель. Похоже, только что припарковался. Женщина подалась в его сторону, направила автомат ему в грудь.

– Ключи! Быстро!

– Но... Я...

Она ткнула ему в грудь дулом.

– Ключи!

Он протянул ей ключи, которые едва достал из кармана пиджака. Рука его дрожала, и когда женщина вырвала ключи зажигания, она просто оттолкнула растерянного мужчину, быстро открыла дверцу, впихнула мальчика на заднее сидение.

Ключ оказался в скважине зажигания в ту секунду, когда послышался треск автоматной очереди, перешедший в звон разнесенного заднего стекла машины.

– Пригнись! – женщина вжалась щекой в руль, поставив заднюю передачу и вдавив акселератор.

Машина прыгнула, разворачиваясь, назад, зацепила боковое крыло соседнего «Форда», ударилась задним бампером в «Фольксваген», лишь тогда прекратив движение назад. Женщина переключила передачу, рванула вперед. И снова зацепила одну из соседних машин, хотя и не обратила на это внимания.

Новая очередь Соперника вынудила ее притормозить. Не поднимая головы, она вытянула руку с автоматом, пустила очередь вслепую. Снова

– ногой на газ, и «Тойота» вырвалась на свободное пространство.

Машина выскочила на встречную полосу, и синий микроавтобус, двигавшийся лоб в лоб, вильнул в сторону. Женщина приподняла голову.

Соперник бежал к одной из машин. Он с легкостью высадил окошко дверцы со стороны водителя, распахнул ее, прыгнул на сидение, бросив на пассажирское сидение автомат, пригнулся под рулем. Две секунды – и двигатель ожил.

Женщина отвернулась, сосредоточившись на дороге.

– О, реки крови! Он не отцепится.

Мальчик расширенными глазами смотрел в ее затылок.

– Кто ты такая?

– Ты не поймешь. Держись рядом со мной. Не вздумай бежать.

Мальчик хотел спросить что-то еще, но промолчал, закрыл глаза и тихо заплакал.

3

За те несколько секунд, что длилась пауза, Марат увидел немного и в то же время немало. Он что-то понял за считанные мгновения, но для анализа увиденного требовалось гораздо больше

времени.

Старик-сосед, которого Марат знал лично, сидел на стуле, глядя перед собой обезумевшими выпученными глазами. Человек, которого пытаются – вот первое, что пришло бы на ум любому, кто бы его увидел. Почти облысевший, с седыми клочками чуть повыше ушей, в пижамных штанах и майке, полинявшей до бледно-серого цвета, этот старик иногда здоровался, когда встречал Марата, приходившего к брату. Если Марат не ошибался, старик был чем-то серьезно болен. Хотя, возможно, так лишь казалось из-за его возраста и дряхлости.

За спиной старика, у которого руки оказались на коленях, как у примерного школьника, стоял рыжий тип. Рыжий держал голову старика обеими руками, прикрывая верхнюю часть ушей, как если бы собирался оторвать ему голову или сломать шею. Взгляд сосредоточенный, вдумчивый, как у хладнокровного садиста, хотя Марат допускал, что это лишь его ощущения.

Напарник Рыжего, Темный, сидел рядом за невысоким столиком. Под углом к Рыжему и старику, лицом к Марату, приподнявшемуся в прихожей на одно колено. Лишь позже Марат осознал, что в руках Темного было перо, а на столе лежал лист бумаги.

Скорее всего, старик ничего не осознавал, как если бы спал наяву или еще не пришел в себя после

потери сознания, но остальные на пару секунд уставились друг на друга. Марат – на двух типов, типы – на Марата.

Они не пришли в квартиру его брата. Эти люди вообще не имели отношения к тому, что произошло с Ильей – это Марат отчетливо понял. Однако здесь происходило что-то странное и, быть может, нехорошее, зловещее. Не считая даже того, что Марат засек их за некими действиями, находился перед ними с оружием в руках, он явно во что-то вляпался волею судьбы или же своей собственной глупости и неосторожности. Возможно, знай он наперед, что его тут ждет, он бы прошел мимо этой квартиры, как бы не мучила его позже совесть. Ему было не до старика.

Однако Марат не прошел. И, самое главное – странность происходящего. Что он такое обнаружил? Воры, грабители, даже маньяки-убийцы – никто из них не приходит попарно в квартиру жертвы, чтобы один стоял с руками на голове хозяина, а другой сидел за столом, готовый что-то записать. Или запись была ни при чем?

Марат поднимался медленно, но он уже встал, а типы все смотрели на него, не столько – так казалось – удивленные его появлению, сколько задумавшись, как разрулить возникшее положение. Или они видели оружие в его руке и не знали, как

его нейтрализовать?

Незаметное движение Темного – он пытался что-то достать из-за спины – вынудило Марата вскинуть пистолет. Эта ничем не примечательная полукилограммовая штука, производимая аргентинской фирмой «Bersa», стоила Марату большую часть его незначительных сбережений. Он еще поразился: почему знакомый, который мог достать ему пистолет и пяток обойм, не нашел какого-нибудь «Макарова», а именно оружие из Южной Америки? Впрочем, самое главное, что это был пистолет, из него можно было убить, остальное – неважно.

Марат заметил, как переглянулись Темный и Рыжий. Что-то мелькнуло между ними, но понять, что именно, Марат не смог.

– Не делай глупостей, – сказал Темный. – Убери это.

Голос был каким-то странным. Даже не голос, а то, как он произносил слова. Первая ассоциация: так говорит иностранец на русском, но без малейшего акцента, четко, чисто, но... слишком правильно и с неким напряжением, когда человеку надо думать не только, что сказать, но и как.

– Кто вы такие, мать вашу? – голос Марата дрожал.

– Он сейчас выстрелит, – пробормотал Рыжий так тихо, что Марат не был уверен, что не

ослышался.

Он сжал пистолет обеими руками, переводя дуло с Рыжего на Темного и обратно.

– Это у *тебя* недавно погиб брат?

Спросил это Темный. И в следующее мгновение он уже выхватил короткоствольный помповый дробовик. Быстрое движение перезарядки и – выстрел.

Марату показалось, что мимо правой щеки пролетел кусок горячей пакли: опалило волосы, брови, кожу лица. Но несильно. За спиной с грохотом проломило дверь в ванную. Марат упал на колено, выстрелил в ответ.

Темный повалился на бок, опрокинув столик. Рыжий отпрянул, выпал из поля зрения Марата. Старик остался сидеть, как если бы ничего не происходило. По подбородку стекала слюна, глаза остекленели, как у мертвеца. Руки по-прежнему на коленях. Темный, не вставая с пола, пальнул из дробовика еще раз.

Казалось, над головой Марата, упавшего на пол, пролетело что-то мощное и горячее, всколыхнув короткие волосы. Спину окатило осколками штукатурки и крошкой. Марат выстрелил второй раз и откатился к входной двери. Спасительный выход был рядом, но и Темный с его дробовиком был недалеко. Когда Марат, привстав на мгновение, повалился за порог, дверной косяк

сотрясло третьим зарядом. Кусок щепы мини-гарпуном ударил в поясницу.

Марат понесся вниз, прыгая через три-четыре ступеньки. Распахивая дверь подъезда, в сознании, как прожектором в ночи, высветились слова Темного: *«Это у тебя недавно погиб брат»*. Откуда он знал? Кто они такие и какое имеют отношение к Илье, к его смерти?

С другой стороны Темный, задав вопрос, вовсе не ждал ответа. Марат осознал, что это было сродни отвлекающему действию: усыпить, отвлечь его внимание хотя бы на секунду-другую, достаточную для собственного выстрела. Темный пытался всего лишь отвлечь его, но об Илье он знал! Откуда? Эти двое как-то связаны с теми, кто убил Илью?

Марат остановился, понимая, что оказался перед подъездом на открытом месте, с оружием в руке, доступный взглядам большинства соседей, если кто-то уже выглядывает из окон, что вполне естественно после пистолетных выстрелов и грохота дробовика. Что теперь?

Непроизвольно он спрятал пистолет под рубашку – первое, что нужно сделать. И поморщился, когда кожи коснулся горячий ствол. Уходить? Встретить чужаков? Их двое, он – один, и оружие у них серьезней. Вызвать полицию? Конечно, он не мог позволить втянуть себя в

какие-то процессы. Он должен уйти, скрыться побыстрее, но те слова Темного, о брате...

Хоть какая-то нить.

Готовый выхватить пистолет, он попятился, находясь лицом к подъезду. Надо бы выяснить, откуда они знают о брате, вопрос лишь в том, как это сделать. Подкараулить и под угрозой оружия заставить говорить? Марат огляделся. Спрятаться в машине?

Он не успеет: они выйдут из подъезда раньше. Марат рванул к своей машине, но она была далеко, и он проскользнул за ближайший темно-синий «Опель» – автомобиль стоял наискосок от подъезда. Если повезет, его не заметят, и Марат окажется у них за спиной. Что-то заставляло его усомниться в том, что у него это получится. Слишком опасными и опытными показались ему Рыжий и Темный, но ничего другого он с ходу не придумал.

Была еще одна причина вцепиться в них и не упустить. После пальбы, разворотившей квартиру старика, здесь скоро будет полно полицейских, и Марат уже не сможет следить за квартирой Ильи, во всяком случае, не в ближайшее время. Та же полиция отпугнет убийц брата, и даже призрачный шанс найти их исчезнет.

Прошла минута, вторая. Что-то слишком долго. Эти двое должны покинуть квартиру, так почему медлят? Соседи наверняка позвонили в

полицию, скоро дом оцепят. Задерживаясь из-за них, Марат рисковал оказаться в ловушке с незарегистрированным оружием, которое, кто знает, могло иметь кровавую историю. Однако уйти он не мог. Он будет ждать, чтобы ни случилось. Иного шанса не будет.

Спустя минут пять решимость ослабла. Они затаились? Не такой уж неправильный вариант – спрятаться в одной из квартир, переждать и покинуть ее под шумок, когда возле подъезда будут шнырять полицейские. Кое-что смутило Марата еще сильнее. Типы задержались-затаились, ладно, с этим все ясно. Где же полиция? Она должна была появиться.

Марат вышел из укрытия. Похоже, он зря ждет. Понимание хлынуло в него холодной неприятной волной, даже ноги ослабли. Кажется, он их упустил. Было два варианта: подняться на крышу, перейти в другой подъезд или же забраться в квартиру первого этажа и выпрыгнуть из окна, выходящего на другую сторону дома. Марату хотелось заорать. Мог бы догадаться об этом сразу, когда они не появились в течение первых двух минут. Он подался было влево – с этой стороны торец дома ближе, оглянулся на соседние подъезды.

Вовремя.

Двое выходили из соседнего подъезда. Рыжий и Темный. Рыжий пошатывался, шел тяжело,

Темный его поддерживал. Темный огляделся, заметил Марата, но никакой реакции не последовало. Он не задержал на нем взгляд, не вытащил дробовик, он направил напарника к машине, не ускоряя и не замедляя шаг. К машине Марата. И тот в ужасе осознал, что оставил ключ в замке зажигания. Просто для удобства, для экономии времени, если бы пришлось кого-то преследовать, покинув перед этим машину.

Марат не рискнул достать пистолет и приказать типам замереть. Во дворе находились несколько человек – мамаша с коляской, два пенсионера и прохожая средних лет, – которые заметят его с оружием и затем расскажут все полиции, это не считая того, что многие увидят происходящее из окон. И самое главное – Марат почувствовал, что угроза выстрела, с не очень удобной для пистолета дистанции, не остановит этих странных людей.

Они сели в машину, двигатель ожил. Темный дал задний ход, машина Марата выехала со двора.

Марат оглядел машины. Ему оставалось только одно: угнать чужую машину и попытаться не упустить парочку, которая угнала его собственную.

Смотреть в зеркальце заднего обзора было неудобно, и она постоянно оглядывалась через плечо. Соперник настигал ее. Он не скромничал: таранил машины, если не уступали дорогу, подрезал, сигналил. Он сокращал расстояние, медленно, но неумолимо продираясь к своей цели.

Поначалу она пыталась не выделяться в потоке машин, когда же расстояние сократилось до возможного поражения из огнестрельного оружия, она перестала таиться. Нужно было отрываться, пока не поздно.

Соперник вцепился клещом, и она вскоре поняла, что оторваться будет нереально. Ей предстояла стычка. Вопрос был лишь в том, выберет ли она подходящие условия, либо все решат обстоятельства. Она вдавила акселератор по максимуму, поглядывая по сторонам. Нужно выбрать поле сражения. Удачней окажется выбор, больше шансов, что победа будет на ее стороне.

Через три квартала она вильнула вправо. Она сделала выбор. Крупный детский магазин. Чем обоснован выбор, она сказать не могла. Как всегда, она следовала интуиции. В любом случае, помещение окажется не лучше и не хуже иного выбора. Все решит грязная примитивная работа: кто кого.

Она рассчитывала въехать в витрину,

оказаться внутри магазина, лишь потом выбраться из машины, но что-то вынудило ее сбавить скорость и припарковаться – совсем как обычной женщине в обычный день.

– Дай руку! Быстро!

Она вытащила ребенка из машины. Они вошли внутрь в тот момент, когда Соперник на угнанном автомобиле ударил в багажник их «Тойоты», продрался на тротуар, раздвигая машины, вывалился из салона, через секунду подскочил с дробовиком в руках.

Он видел ее с ребенком, как смутные тени сквозь витрину. Это его не остановило. Еще не вскинув дробовик на уровень груди, он выстрелил. Стекло вынесло несколькими крупными кусками и сотнями мелких.

Она повалилась на пол, потянув за собой мальчика, дала очередь в ответ. Она перекатилась, меняя позицию, пытаясь выяснить свое положение. В магазине нарастала паника, вопли, шаги: если раньше все казалось контролируемым, теперь это все больше становилось бесконтрольным абсурдом. Некоторые из посетителей падали на пол, прикрывая голову руками. Иные готовились рвануться в бой, когда кому-то показалось, что подобными действиями можно что-то решить.

Она проскользнула сквозь суету подальше от витрины. Их скрыл высокий стеллаж: сверху

донизу небольшие мягкие игрушки, коробочки с пазлами и конструкторами. Она тянула мальчика за собой, впереди виднелся проход во внутренние помещения, но в конце стеллажа кое-что вынудило ее остановиться. В это мгновение заднюю стенку стеллажа пробил заряд дробовика, несколько пазлов, разлетаясь, пронеслись перед лицом мальчика. Со стороны можно было подумать, что женщина вовремя остановилась, но выстрел сумасшедшего, вбежавшего внутрь и расстреливающего магазин, был не причем.

Она рывком уложила мальчика на пол лицом вниз.

– Не вставай!

Он не смог удержаться и поднял голову, чтобы видеть, чем занята странная женщина. Та сделала три быстрых шага вперед, выходя из-под прикрытия стеллажа, и выпустила короткую очередь. Отпрянув, она схватила пару кукол с полки и... оторвала одна за другой три головы.

Мальчик едва сдержал крик. Не потому, что он хотел возмутиться этому варварству или потому, что было жаль игрушки. Крик рвался из него, как неосознанная реакция организма. Женщина вновь сделала три быстрых шагах, пригнулась, опустилась на одно колено. И бросила первую кукольную голову.

Даже сквозь грохот дробовика и крики

обезумевших людей, породивших на входе давку, можно было услышать специфический звук катящейся по плиткам пластмассовой головы.

Соперник увидел этот своеобразный выпад и выстрелил в голову куклы до того, как она к нему докатиться. Он выстрелил в нее и непроизвольно пригнулся, попятившись. Он ждал взрыва или иного подвоха, но ничего не последовало – ему подбросили голову обычной куклы.

Женщина подбросила вторую голову. Соперник прострелил и ее. За второй пришла очередь третьей. На этот раз он подфутболил голову ногой и сделал три быстрых выстрела подряд.

Короткая пауза и – к ногам Соперника покатилась очередная, четвертая, голова. На этот раз он ее вообще игнорировал – он пальнул туда, где мелькнули рука и плечо женщины. Он не видел, что за пару секунд до этого женщина вскрыла коротким ножом голову куклы и быстро засунула туда некий предмет, взятый из своего кармана. Голова куклы миновала правую ногу Соперника в полуметре, ударилась о стену.

Взрыв, последовавший за этим, сотряс магазин. Соперника пронзило двумя крупными осколками и швырнуло вперед на стеллаж. За мгновение до этого стеллаж изрешетило десятком мелких осколков, и он зашатался.

Соперник повалился вместе со стеллажом. Грохот уже слабел, и его мощь подхватил шум падения множества предметов. Женщина к этому моменту лежала сверху на мальчике, которого быстрой подсечкой уложила на пол лицом вниз. Он даже не успел возмутиться или испугаться – все произошло слишком быстро. Она не столько прикрывала его, сколько не позволяла преждевременно вскочить и бежать.

Она приподняла голову и убедилась, что Соперник уже не встанет. Он лежал на груди развороченного добра, усеявшего разломанный стеллаж, лицом вниз, голова повернута так, словно он собирался нырнуть в невидимый колодец. Отстраненно она отметила, как корчатся двое раненых, оказавшихся в ненужном месте в ненужное время. Она даже не разобрала, мужчина это или женщина – не до того. Она им ничем не поможет, а «скорая» вот-вот прибудет.

Она поднялась, глядя на потолок и верхнюю часть стен.

– Лежи, не вставай.

Она прошла в одну сторону, в другую. Кажется, ничего поблизости не уцелело. Кроме одной видеокамеры наблюдения. Она приподняла руку, дала короткую очередь. Теперь нет ни одной. Вторая очередь досталась неподвижному телу Соперника.

Она повернулась к мальчику, с легкостью подняла его.

– Уходим. Сейчас будет легче.

5

Илона услышала звонок мобильного, когда ложилась в кровать. Рядом посапывала Вероника: ротик полуоткрыт, одна рука на подушке закинута за голову. Илона щелкнула ночником, посмотрела на часы: без пяти минут полночь. Кто это так поздно?

Она глянула на экран мобильного.

«Марат» .

Она застыла, не веря тому, что прочитала. Она не думала, что он позвонит, во всяком случае, так быстро. Они как будто договорились расстаться, пока связь – так выразился Марат, не она – не переросла в нечто такое, после чего расставаться окажется болезненно. Она так ему ничего и не сказала, но, судя по всему, болезненно ей было уже сейчас, много времени для этого не понадобилось. Спустя считанные встречи после знакомства.

Пока она колебалась, вернее, пыталась побороть внезапное оцепенение, звонок оборвался. Заколотилось сердце. Что-то случилось? Он бы не позвонил просто так, в такое время. Быть может, он передумал и решил, что они должны попробовать продолжить отношения, но нет – он бы выбрал для звонка на эту тему более подходящий момент. Она вообще должна была спать, но завозилась со стиркой-глажкой, чтобы завтра после работы осталось больше времени на ребенка.

Спустя минуту Илона поняла, что Марат больше не перезвонит, прошла в кухню, набрала номер сама. Он был из разряда – очень редких людей – надежных, заботливых, и то, что Марат прервал их отношения, едва они лишь начались, говорило лишь в его пользу: он опасался сделать ей больно в дальнейшем.

– Да? – голос глухой, уставший.

– Марат? Ты звонил? – ей показалось, что она ошиблась, и звонил кто-то другой.

– Да, звонил, – пауза. – Извини, если разбудил.

– Не успел.

– Уже хорошо. Хоть что-то.

– Случилось что?

– В общем, да. Мне нужна... твоя помощь,

Илона. Неудобно получается, но... обратиться, по сути, больше не к кому.

Первое, что она почувствовала: радость – она ему все же понадобилась, да еще так быстро. Потом нахлынул испуг: что произошло?

– Ты говорила, у тебя есть родственница в полиции? Сестра или кто-то в этом роде. Отдел убийств, кажется?

– Да. Карина, двоюродная сестра. Что случилось, Марат?

– Пока ничего. Вернее, случилось-то, случилось, но ты не волнуйся. Со мной все в норме. Прохлаждаюсь, а надо бы кое-что узнать. Проблема в том, что отъехать не могу. Пропущу что-нибудь важное.

Пауза. Она чувствовала: он позвонил после серьезных колебаний, у него просто нет выхода, кроме как обратиться к ней. И все же она не понимала: Марат и полиция?

– Рассказывай.

И он рассказал. В целом коротко, хотя и основательно, но туманно. Она мало, что поняла, каким образом он оказался замешан во все это, но уточнять не рискнула. Марат не мог делать ничего плохого, в этом она была уверена. Некая нужда, обстоятельства вынудили его искать то, что сам он найти не мог.

– Ты просто узнай, что стало с этим дедом.

– Думаешь, его убили?

– Не знаю. Возможно. Я бы сам проверил, что там, но... сейчас не могу.

– С тобой что-то не так? Ты ранен?

– Нет, Илона, нет. Просто я... слежу за домом, где находятся те двое типов. Непонятно, сколько я тут просижу.

Пауза. Илона растерялась.

– Ты знаешь, где они находятся? Но это...

– Постой. Не знаю, подумал ли я о том, о чем подумала ты, но, прошу: пока не надо звать сюда полицию. Иначе я не узнаю то, что хочу узнать от них.

– Хорошо, хорошо. Тебе... перезвонить на этот номер?

– Я сам перезвоню. Пока я отключусь.

Короткие гудки. Она больше ничего не успела сказать. В голове вертелось с десятков вопросов, в основном насчет их отношений. Что ж, сейчас подобный разговор все равно не ко времени.

Она посмотрела на мобильник, поколебалась, написала Карине короткое смс. Насколько она помнила, сестра в такое время никогда не спала, но кто знает – не хотелось ее разбудить, если она все же легла. Илона подождала, и меньше чем через минуту раздался звонок.

– Сестренка, ты еще не спишь? – голос у Карины низкий, с хрипотцой, как если бы она

много и давно курила. – Что стряслось?

– Все хорошо. Так, знакомый один попросил кое-что узнать, – Илона пыталась подобрать нужные слова, чтобы не сказать лишнего. – Его брат жил в том подъезде. Он заходил на квартиру к брату, слышал какой-то грохот, что-то в этом роде. Сказал, что в той квартире живет одинокий пожилой человек. Сказал, что волнуется, не случилось ли с ним что-нибудь плохое.

– Скажи адрес.

Илона сказала. Она ждала еще вопросов, но их не последовало. Пауза показалась настолько глубокой, что мелькнула мысль: связь прервана, Карина ее больше не слышит.

– Карина? Ты здесь?

– Сестренка, назови имя твоего знакомого. Еще лучше дай номер его телефона. Мне нужно срочно с ним связаться.

– Э-э... Карина, я не... Он просто позвонил, наверное, хотел остаться неизвестным. Любой человек на его месте...

– Дай мне его номер.

– Карина, мы же так не договаривались.

– Мы с тобой никак еще не договаривались.

Номер!

Пауза. Странная настойчивость. Илона пожалела, что позвонила.

– Илона? Ты в этом как-то замешана? В чем

проблема? Тебя связали законом молчания, моя дорогая сицилийка?

– Нет, просто я... обещала всего лишь разузнать про его соседа. Что там случилось, в этой квартире?

– Кое-что странное. Хуже, что есть некая связь с одним криминальным эпизодом за сегодня. То есть связи между ними не должно быть, но один нюанс указывает, что она есть. Странный нюанс.

2. ЧУЖИЕ И СВОЙ. СВОИ И ЧУЖАЯ

1

Он вскинул голову, очнулся и не сразу понял, где находится. Вокруг тьма – ночь еще не закончилась. Вереница образов, порожденных короткой дремой, расплывалась в сознании кляксами. Понять, что означает хотя бы один такой образ, невозможно.

Марат сжал в руке пистолет, опустил окошко водительской дверцы, выглянул. Странное ощущение – и правдоподобное до невозможного: кто-то только что забирался в его карман. Оно возникло, как озарение. Ему показалось, что он обхватил чью-то руку, сжал пальцы неосознанно, на чистом рефлексе, но так и не проснулся.

Марат медленно, по возможности беззвучно выбрался из машины. Тьма оставалась неподвижной. Рядом – никого. Конечно, рука в его кармане – один из бессмысленных снов-обрывков, хлынувших к нему в сознание, стоило ему не выдержать и закрыть глаза.

Он сунул руку в левый карман спортивного пиджака – взял на всякий случай, если ночью похолодает и даже в машине станет неудобно. Он сунул руку и замер.

Хотелось заорать, выдернуть руку, скинуть пиджак. Неимоверным усилием воли он не сделал этого, хотя уверенность, что он нащупал в своей одежде и держит рукой гигантское насекомое, показалась непоколебимой. Он выдернул руку, сжимая зубы, удерживая рванувшийся изнутри вопль. Посмотрел на то, что держал в руке. Он не выбросил этот предмет лишь потому, что уже знал: это – не насекомое. Штука не была подвижной, не пыталась вырваться и, уж тем более, укусить, поранить. Штука не была живой, хотя...

Марат сунул пистолет под рубашку, дрожащей рукой осветил на предмет мобильником. Он держал плоскую деревяшку, которая выглядела, как непонятный знак-символ.

Z

Марат разжал пальцы, выронил деревяшку. С

тихим шорохом предмет упал на землю. Марат помедлил, все же подобрал его. Примерно так подбирают – из любопытства – насекомое, которое причинило боль, но уже мертво: кончиками пальцев, с готовностью быстро разжать их. Марат осмотрел знак со всех сторон, принялся. Пахло свежеструганым деревом. С виду ничего особенного, но это явно знак или буква.

Что это?

Ответа не было. Это было бы слишком просто: засыпаешь, просыпаешься, в кармане вещичка, которую ты туда не клал, значит, туда ее засунул кто-то другой, и ты знаешь, что она означает.

Марат вслушался во тьму. И по-прежнему не почувствовал чьего бы то ни было присутствия. Он понимал, что во время дремы ему в карман действительно кто-то подложил некий предмет. Смысл этой вещицы или того, что ее кто-то кому-то подкладывал – дело другое, сейчас самое любопытное: кто подложил?

Перед внутренним взором возникли лица Рыжего и Темного. Кто-то из них? Больше некому. Какого дьявола они это сделали? Почему просто не прикончили его, раз уж он совершил подобную непростительную ошибку – заснул? Некое объяснение было, просто Марату оно сейчас недоступно.

Он следил за ними с раннего вечера, когда преследование привело его в этот двор. Ради этого, чтобы не упустить типов, он угнал чужую машину – немыслимое дело. Он, кто никогда ранее ничего не крал, вдруг спер не кошелек или модные ботинки, он сразу попал в «высшую лигу», черт бы ее побрал.

С другой стороны после перестрелки в квартире несчастного старикана, угон – мелочь. Он встал на эту странную дорожку, и теперь ему оставалось идти до конца.

Днем, в потоке автомобилей, он несколько раз терял машину беглецов, находил ее и снова терял. Пару раз Марат ловил себя на мысли: что делать, если странная парочка заметит преследование и увеличит скорость? Что сделает он? Упустить их нельзя, но, если он даже избежит столкновений, он привлечет внимание полиции. В тесном потоке не скрыться. К счастью, Рыжий и Темный были в таком же положении: внимание посторонних им ни к чему. Спешили они умеренно. Марату казалось, что они знают о нем, просто он им пока все равно ничего не сделает. Выяснить, кто из них кто, можно позже.

Марат вымотался, но, в конце концов, гонка – которая на самом деле не была настоящей гонкой, стоит признать – завершилась: беглецы свернули на небольшом перекрестке, въехали во двор между

высоток и там оставили машину. В каком именно подъезде они исчезли, Марат не заметил. Похоже, ему не хватило считанных секунд, однако вариантов было всего два – подъезды, между которыми они оставили машину. Дальше уйти они бы не успели.

Оставалось только ждать. Марат опасался, что, по закону подлости, типы выйдут из второго подъезда, если он покинет машину и войдет в первый. Или наоборот. В этих подъездах квартир еще больше, чем в доме покойного брата, и чтобы их все проверить, уйдет слишком много времени. Надежнее обождать: Рыжий и Темный должны вернуться к машине, хотя бы покинуть дом, чтобы уйти пешком или угнать другую машину.

Они знают. Сомнения, если они вообще были, исчезли. Последние сомнения. Они его видели, они знают, что он их преследовал. И что остался в этом дворе на ночь. Последнее доказательство – странная деревяшка у него в кармане.

Марат огляделся. Почему-то лишь сейчас он подумал о том, что кроме его одежды была еще и спортивная сумка с вещами, весь салон, не считая багажника. Они могли не только подложить деревяшку, но и что-то забрать взамен. Например, несколько запасных обоев или остатки еды. Да мало ли что взбрело им в голову, когда они подложили ему деревяшку и, возможно, проверили,

что у него в сумке.

Он дотянулся до сумки, поставил ее на колени, расстегнул замок. Образ взрывающейся бомбы вызвал кривую, хотя и нервную ухмылку. Бомба – слишком сложно, когда можно просто перерезать горло спящему. Однако всегда найдется причина и для того, чего не должно быть.

Марат покопался внутри. Застыл. Разжал пальцы, сжал, снова разжал и все-таки вытянул еще одну деревяшку-символ.

п

Штука выглядела не такой отталкивающей, как первая. Или он стал привыкать?

Марат положил деревяшку рядом с первой на сидение пассажира. Выкинуть? Сжечь? Пусть полежат? Он рассматривал гладкое, почти отполированное дерево, но так и не пришел к какому-то выводу. Он сунул их в бардачок.

Марат вновь обратил внимание на темный дом, где осветились окна. Пока Марат занимался деревяшками, тьма посерела, слабея с каждой минутой.

Быть может, благодаря этому он заметил тень, выпущенную распахнутой дверью подъезда – один из двух подъездов, за которыми Марат следил. Тень прошла шагов пять, замерла. Хватило минуты,

чтобы Марат понял, кого видит. Рыжий. Он появился без напарника и осматривался. Рассчитывает уйти один?

Двинувшись к Рыжему, Марат подумал, не заманивает ли его этот тип? Если предположить, что они знают о слежке Марата, один из них вряд ли выйдет, чтобы попытаться его обнаружить в полумраке. Или Марат все надумал? И беглецы давно решили, что он их потерял?

Это он сейчас выяснит.

Марат пригнулся еще ниже, заходя к Рыжему сбоку. Благодаря кустарнику его не видели. В пяти метрах от Рыжего появилось открытое пространство, и Марат застыл, решая, как быть. Рыжий, по-прежнему неподвижный, всматривался в ночь. Выскочить и ткнуть дулом его в спину? Или заговорить с этой позиции? Далековато... Рыжему достаточно метнуться в сторону, и Марату останется стрелять на поражение, но ему необходимо заставить противника заговорить – выдать, кто они такие, какие цели преследуют. И откуда знают об Илье.

Нужно действовать. Марат рванулся вперед, ткнул Рыжего дулом пистолета между лопаток, отступил на шаг.

– Ни звука! Не двигайся или продырявлю!

Слова дались с трудом, как если бы Марат выплевывал из себя комки невкусной пищи.

Пожалуй, боевик из него никакой, крутой парень там или какое можно подобрать определение. Однако он взял на прицел противника, обыграв его, и это кое-что да значит. Быть может, все приходит с опытом, и вскоре – если пофантазировать – спецагенты ФСБ или мистер Бонд в сравнении с ним покажутся стороннему наблюдателю детьми неразумными?

– Теперь ты расскажешь мне все. Кто вы такие, что вам надо. Или... Я не просто убью тебя. Я прострелю тебе колено, потом второе, потом...

– Опустит пистолет!

Марату показалось, что мир перевернулся. Прежде, чем он оглянулся, он понял, что его развели, причем достаточно легко. Темный стоял за спиной и держал его на прицеле. Сомнений не было: Рыжий – приманка. Он вышел на открытое место, явил себя, и Марат попался на живца. Неважно, где прятался Темный. Это – детали. Да-а, Бонд не скоро будет завидовать Марату.

– Не делай глупостей, – голос Темного звучал успокаивающе.

Марат отпрянул, пытаясь взять Темного на прицел, но у него не было шансов. До того, как пистолет оказался направлен Темному в грудь, Темный – какое странное у него оружие! – пальнул в Марата в упор.

Марат увидел яркую вспышку из широкого

дула и почувствовал толчок, как если бы оказался на пути гигантского шара, которым разрушают ненужные старые постройки, и все погрузилось в темноту.

2

Мальчик открыл глаза, когда она вошла в комнату. Странная женщина осмотрелась: убедилась, что кроме него, никого больше нет. Под тонким плащом у нее угадывалась рукоять дробовика.

Выглядела она круто, что тут говорить. Он никак не мог понять, кого из киногероев она ему напоминает. Солт-Джоли? Одну из подруг Бонда? В обычном состоянии он вспомнил бы, но не сейчас, когда его терзал страх. Страх уже не за родителей, за себя. Стыдно было признаться в этом даже себе, но, к счастью, никто, кроме него, об этом и не знал, а перед собой он быстро оправдался: ему всего лишь семь лет.

Они находились в какой-то гостинице. Одна комната, маленькая прихожая, туалет и ванная. И балкон – женщина потребовала, чтобы он не только не выходил туда, даже не отодвигал шторы. Ее предупреждения не понадобилось: он заснул до того, как она покинула номер. Это казалось

странным, заснуть после всего, что случилось. Ему казалось, что после такого человек уже никогда нормально не заснет. Но он заснул, крепко и на какое-то время – чувствовал он себя не таким вымотанным.

Она выглянула на балкон, застыла, разглядывая кого-то внизу, на улице. Мальчик не выдержал затянувшейся паузы, встал, подошел к балкону, но выйти не рискнул.

– Куда мы идем? – заговорил он.

– Идем? – она не оглянулась. – Никуда не идем. Мы ждем.

Пауза.

– Скажи, как тебя зовут? – спросить об этом оказалось нелегко, хотя он не понимал, почему.

– А тебя?

– Назар.

– Назар... С вашего древнееврейского это означает «Посвященный Богу».

– Разве? – он поразился.

Мальчик никогда не слышал, чтобы его имя вообще как-то переводили. Назар, да и Назар.

– Да. Ты действительно посвящен Богу. Только... быть может, не тому, о ком думает большинство.

Он попытался понять, что она такое сказала, и не смог.

– Так как тебя зовут?

Она помедлила с ответом, как если бы сомневалась, стоит ли вообще отвечать.

– На вашем языке это звучит, как «Хильда».

– На нашем языке? Ты – иностранка?

– Что-то вроде этого, – она хмыкнула.

– Твое имя тоже... переводится?

– Все имена что-то значат.

– И что означает «Хильда»?

– Участвующая в битве. Сражающаяся. Или просто «Воин».

Он промолчал, переваривая услышанное. Для него все это было в диковинку. Она быстро оглянулась.

– У тебя все?

Он снова не понял.

– Почему ты забрала меня?

– Тебя хотят убить. Мне же надо, чтобы ты остался в живых.

– Меня хотят убить? За что?

– Долго рассказывать.

– Я всего лишь маленький мальчик.

– Да. Но скоро ты станешь старше, еще старше. Еще прежде ты кое-что сделаешь. Как все люди делают то, что должны сделать.

– Что ты такое говоришь, Хильда? Я не понимаю.

– Ты и не должен ничего понимать. Просто держись рядом.

– Значит, ты меня защищаешь?

– Нет, но это можно и так назвать.

Он хотел что-то сказать, но она перегнулась через перила балкона, затем отпрянула.

– Он уходит. Ладно... Можно попробовать.

Хильда схватила его за руку, толкнула к кровати.

– Надень кроссовки. Быстро. Мы уходим.

Он подчинился, и она потащила его – он даже не успел завязать шнурки – из номера, не потрудившись закрыть дверь. Они бросились к лифту, сделали вызов, но уже в следующую секунду Назар прыгал по ступенькам следом за Хильдой, и все его внимание уходило на то, чтобы не оступиться и не повредить ногу. Перед глазами все мельтешило, и мальчик не был уверен, правильно ли ставит ногу, но каким-то образом все получалось.

Они выбежали из гостиницы на улицу, и Хильда остановилась. Он зацепился за ее ногу, должен был упасть, но она его удержала. Казалось, ей это не стоило большого усилия. Она была очень сильной, что никак не сочеталось с ее внешностью: рост, хрупкость, пол.

Назар проследил за ее взглядом и понял, что она наблюдает за парочкой на другой стороне улицы. Он – высокий и светлый, одет во все темно-коричневое. Она – полненькая и невысокая,

белые брючки, голубая блузка. Они покидали уличное кафе. Разговаривают друг с другом, не видя ничего вокруг, у обоих – улыбки. Парень провел девушку к машине, белой «Ауди», открыл ей дверцу, девушка села. Он что-то сказал ей, закрыл дверцу, обошел машину, сел за руль.

Хильда потянула Назара к своей машине. Они влились в поток, стараясь сократить расстояние между собой и парочкой в «Ауди». Назар несколько раз порывался спросить, что происходит, кто те люди, за которыми они едут, но вид Хильды – сосредоточенная, отстраненная и вряд ли желающая, чтобы ей мешали – останавливал его. Он надеялся, что скоро все прояснится без его вопросов.

«Ауди» свернула в сторону, въехала в узкий проулок, остановилась. Хильда направила свою машину следом, медленно проехала мимо. Когда машины поравнялись, Назар вытянул шею, разглядывая сидящих в салоне парня и девушку. Парочка подалась друг к другу, и мальчик с удивлением увидел, что они... целуются?

Он смутился, покосившись на Хильду, как если бы она застала его подсматривающим за взрослыми. Хильда выглядела прежней, такой, словно ничего не происходило. Она резко остановила машину, не утруждая себя тем, чтобы поставить машину к стене, тем самым дав

возможность другим водителям проехать мимо, вышла, не закрыв дверцу.

– Сиди в машине!

Не посмотрев на мальчика, она пошла к «Ауди». В ее руке Назар заметил что-то похожее на большой мобильник. Хильда шагнула к водительской дверце. Ни парень, ни девушка ее не видели, пока Хильда не распахнула дверцу, приподняв руку со странной штуковиной. Девушка ахнула, парень застыл, выпучив глаза.

Послышался треск. Сначала девушка, затем парень, вскрикнув, дернулись, изогнулись, пытаются сопротивляться, но тщетно. Девушка обмякла, привалившись телом к пассажирской дверце. Парень захрипел, глядя перед собой в одну точку. В отличие от подруги полностью сознание он не потерял.

Хильда спрятала штуковину, забралась на заднее сидение. Ее руки оказались на голове парня, как если бы она его поддерживала – ладони сжимали голову повыше ушей. Парень перестал дергаться, затих. И что-то заговорил.

Монотонные, следующие друг за другом слова, напоминающие людей, насильно собранных в одной компании, которую гонят неизвестно куда. Парень говорил, говорил, а Хильда находилась сзади, не отпуская рук. Она замерла, как паук, ожидающий, когда угодившая в паутину муха,

смирившись, перестанет дергаться.

Назар пытался что-нибудь разобрать, но голос был слишком тихим, чтобы мальчик выделял отдельные слова. Он подавил желание выйти из машины и приблизиться. Что-то подсказало ему: лучше этого не делать.

Происходящее навеяло на него необъяснимую жуть, он отвернулся. Назар закрыл глаза и затих, ожидая возвращения Хильды.

3

Марат открыл глаза и зажмурился. Он лежал на спине, над головой находилась лампочка без абажура. Свет бил в глаза, как луч лазера. Боль в зрачках отступила на второй план, стоило осознать, насколько болит грудь.

Боль вернула Марату последнее осознанное воспоминание: вспышка, удар в грудь и – темнота. Он дернулся и лишь теперь понял, что не просто лежит – его привязали. Привязали, как следует.

Лодыжки, колени, руки – в локтях и запястьях. Под ним было что-то вроде медицинской каталки, на которых перевозят больных. Он остался жив, удивительно, если вспомнить, что последняя мысль, которую можно выделить, напоминала что-то вроде «вот и все».

Марат закричал, борясь с путами, голова приподнялась, и он замер, разглядывая обстановку. Рядом сидел Рыжий. Они находились в просторной комнате с бедной обстановкой: обшарпанная старая мебель, выцветшие еще десятилетия назад обои. Допотопный телевизор с пыльным экраном.

Рыжий ел.

Если только увиденное Маратом подходило под определение «ел». Прямо на столе – большая кучка нарезанной капусты. В широкой тарелке – рис, наваленный маленькой горкой. И графин – прозрачная жидкость. Водка? Вода? Почему-то в водку не верилось, но зачем столько воды?

Рыжий ел с аппетитом. Загребал ладонью капусту и отправлял в рот. Затем то же самое делал с рисом – рукой. Взявшись за графин, он заметил, что Марат очнулся и смотрит на него. Рыжий застыл, и во взгляде появилась неуверенность. Исчезло некое странное довольство, вызванное поглощением пищи, вместо него возникло что-то иное, что определить Марат не смог.

Казалось, они смотрели друг на друга не меньше минуты, прежде чем в комнату вошел Темный. Рыжий переглянулся с ним, вдвоем они уставились на Марата.

Марат почувствовал надежду и страх. Странная смесь. Паузу прервал Рыжий:

– Может, его проверить?

Темный промолчал, и молчание повисло между ними, как нечто физическое и неуютное. Против воли Марат ждал ответа Темного, хотя и не понял вопроса.

Темный покачал головой.

– Опасно. Лучше не надо.

Ответа Марат не понял. Нечто будто толкнуло его, призывая бороться вместо того, чтобы ждать своей участи. Скорее всего, незавидной. Марат задергался, вырываясь из пут, хотя подозревая, что вряд ли это получится. Каталка зашаталась, и он – неожиданно для себя же – повалился на пол.

Грохот заглушила боль от удара о пол. Больше Марат ничего не успел. Темный поднял его с каталкой, к которой тот был привязан, поставил в прежнюю позицию.

– Не мешай нам!

И ударил Марата кулаком в живот.

Боль, тупая и давящая, заполнила все вокруг. Боль в груди теперь показалась бы сказкой, доведись Марату ее чувствовать, однако тщетно: новая боль заполонила собой Вселенную, поглотив все, что существовало до нее.

Когда туман рассеялся, Марат приподнял голову и увидел то, что уже видел ранее, с небольшими изменениями. Рядом сидел какой-то старик, чем-то неуловимо похожий на соседа Ильи, как похожи друг на друга все старики, и в то же

время абсолютно другой человек. Завидные для его возраста кудри, седые, но без намека на залысины. Кожа лица с минимальным количеством морщин, правда, с пигментными пятнами.

Общего все-таки было немало. Те же выпученные глаза, неверие вперемешку с удивлением. Взгляд в никуда, вернее, в некую немислимую даль.

Рыжий, который стоял за спиной, держа голову старика руками – ладони чуть повыше ушей. Он стоял близко, и Марат вдруг рассмотрел на плаще непонятный нашитый значок – на правом плече.

Л

И чуть ниже, под этим знаком, значки того же рода, но мельче:

amiuts

Возникла уверенность, что значок был и раньше, но Марат его увидел лишь сейчас. Рядом с ними находился Темный. Как и в первый раз, когда Марат застал эту жуткую картину, Темный сидел за столиком, перед ним лежала бумага и перьевая ручка. Он напоминал испанского инквизитора, готового задавать вопросы несчастному еретiku, который прошел пытки.

Похоже, эти типы решили, что Марат не

помешает им при проведении их очередного странного сеанса. Или они хотели, чтобы он видел все? Для чего?

Марат неожиданно для себя рассмотрел знак и мелкую надпись у Темного.

t

И ниже:

Craza

Сосредоточиться на знаках Марат не успел. Старик забормотал, и это было нечто.

На первый взгляд – бессмысленный набор слов. Возможно, так оно и было, но в этом словесном хаосе присутствовало нечто жуткое, мощное, и непостижимое. Четкое и правильное. Упорядоченное. Казалось, Хаос соперничал с Порядком, утверждая, что Все Едино, и что они ничем не отличаются. Они – Хаос и Порядок – даже не две стороны одной медали, а одна сторона.

Таким было первое ощущение Марата, когда позже он проанализировал случившееся. Это было подобно грохоту битвы: стреляет масса людей, когда и в кого придется, но общий хаос сражения скорее напоминает упорядоченное действие. Отточенное, как лезвие.

– Платье... Стекло... Тени... Быстрые... Медленные... Смотрит... Скрежет... Белое...

Платье... Сосок... Молоко... Облегает... Дымок...
Плачет... Коляска... Светлый... Тесно...
Кровоток... Образы... Кроссовки... Сигналят...
Голубая... Изгибы...

Старик бормотал с короткими паузами, хотя чем дальше, тем промежутки между словами уменьшались. До скороговорки было еще далеко, но старик торопился, как человек, которому тяжело или больно говорить, и он хочет поскорее избавиться от этого дискомфорта – высказать то, что должен.

– Щит большой... Лучи отражаются...
Улыбается... Коляска... Все вперед... Кафешка...
Светлый... Сигнал... Воняет... Широко...
Холодное... Сладко... Ложечка... Грустит...
Возбуждение... Отказ... Блики...

Пауза стала более долгой, старик всхлипнул. Точь-в-точь, как человек, которому сделали больно.

Марату показалось, что Рыжий сжал руки на голове старика сильнее. И приник к нему ниже. Склонился, как если бы высматривал у него что-то на коже головы. Марат дернулся: он уже не мог переносить то, что видит.

Каталка вздрогнула, зашаталась.

Рыжий и Темный не обратили на пленника внимания. Возможно, они были слишком сосредоточены на том, что делали со стариком, и просто не видели попыток Марата.

Почему бы нет? Он почувствовал слабую надежду. Если освободиться, то сейчас.

Старик забормотал быстрее, выплевывая слова. Они слились в единый поток, и Марат перестал различать их, улавливать смысл, хотя бы отдельно взятых слов. Он сосредоточился на том, чтобы освободиться и следить за лицами Рыжего и Темного.

Старик задрожал, и, кажется, Рыжий приложил усилия, чтобы удержать его. Темный водил по бумаге ручкой с невероятной скоростью – полная сосредоточенность. Впечатление, что ничто извне его не отвлечет, усилилось. Неужели он записывал то, что тараторил старик? Для чего? Темный неуловимым движением отложил очередной лист и подсунул под не останавливавшуюся ручку. И продолжил строчить.

Путы на левой ноге Марата ослабли. Он перестал раскачивать каталку, задергал ногой. Пару секунд казалось, что нога вот-вот выскользнет, но тщетно. Так всего лишь казалось. Марат закричал, пытаясь освободить правую руку. Он старался, даже терпя боль, но и здесь ничего не добился. Если он упадет с каталкой, какие-то ремни могут ослабнуть, хотя уверенности в этом не было. Грохот падения, возможно, вынудит Рыжего и Темного оторваться от своего жуткого занятия, но выбора у Марата не осталось.

Он дернулся вправо, направив всю инерцию, вес тела, и каталка повалилась на пол. Марат зажмурился при падении, стараясь не удариться об пол лицом. Тут же, вывернув шею, он посмотрел на врагов.

Они заметили его падение – он видел, как оба бросили быстрый взгляд в его сторону, но никак на это не отреагировали. Уверенность, что он все равно не освободится? Пока Марат сражался с путами, кое-что изменилось, он понял это лишь теперь.

Темный уже не сидел за столом – он встал. Рыжий не стоял позади старика – шагнул к напарнику. Оба заглядывали в листы бумаги, которые держал Темный. Когда они успели встать плечом к плечу?

Марат удвоил, утроил усилия. Его последний шанс освободиться. Левая нога стала еще свободней. Ослабели путы на запястьях. Он спешил. Пот заливал глаза. Он попытался рассмотреть Рыжего и Темного, но это оказалось нереально.

– Мало, – тихий голос Темного. – Еще...

Они расступились.

Всхлип старика. Бормотание. Слова невнятные, как если бы их перекусывали посередине и глотали окончания. Но старик говорил. Кажется, Рыжий заставлял его?

Уверенности не было, но у Марата возникло именно такое ощущение. Каким-то образом Рыжий «стимулировал» несчастного, и тот опять старался не оказаться крайним.

Марат застонал, зажмурившись. Он чувствовал: свобода – вопрос времени и усилий. Он не отводил взгляда от Рыжего и Темного, расшатывая путы, дергаясь, напрягаясь так, что слух его ничего не улавливал. Даже перед глазами возникало марево, он видел лица врагов, как сквозь туман. Враги не обращали на него внимания, занятые своей проблемой, и это было кстати. Это давало ему дополнительный шанс.

Марат думал, что освободит сначала ноги, однако первый симптом свободы появился в левой руке. Он почувствовал, что она вот-вот выскользнет, хотя одного этого было бы недостаточно.

Он ненадолго замер: проверил, видят ли Темный и Рыжий то, что происходит с ним. Они не видели, вернее, по-прежнему практически не обращали на него внимания. Они вновь сошлись – один встал из-за стола с листами бумаги, другой оставил старика, которого трясло, а изо рта шла пена. Несчастному досталось. Конечно, он их интересовал меньше всего. Они уставились в бумагу, проходили секунды – ничего не менялось.

Рука Марата выскользнула. Он ждал этого, но

в то же время – не ожидал. Он застыл, не веря в то, что случилось, но, прежде всего, надеясь, что ни Рыжий, Ни Темный ничего не заметят.

Они посмотрели на него. Так, как если бы знали, что произошло, несмотря на все его ухищрения. Посмотрели и снова уставились в листы. Похоже, их не беспокоило то, что он освободился. Или вот-вот освободится. Работы у них завались.

Марат занялся правой рукой, вскоре она была свободна. Настала очередь ног.

Темный ткнул пальцем в бумагу, указывая Рыжему на какие-то места. И Рыжий заговорил, называя отдельные места, и это звучало так, как если бы он интонацией выделял их из общего потока:

– *Щит большой ...* Лучи отражаются... Улыбается... Коляска... Все вперед... *Кафешка ...* Светлый... Сигнал... *Щит большой ...* Воняет... Широко... Холодное... Сладко... Ложечка... Грустит... Возбуждение... Отказ... *Кафешка ...*

Рыжий замолчал, глядя на Темного. Тот посмотрел на напарника – на Марата они не обращали внимания, как если бы его тут не было. Марат этим воспользовался – освободил ноги.

– Где? – спросил Темный.

– Какой-то проспект, – Рыжий смотрел в листы. – Большой щит – реклама. Где-то на

большой улице. Там, возле щита, напротив или под ним, неважно – кафешка. Столики на улице.

– Где это?

Рыжий пожал плечами.

– Таких мест немало. Думаю, это где-то на проспекте Мира. Неподалеку от нас. Старик вряд ли уходит от квартиры далеко.

– Где-то рядом, – повторил Темный. – И что там, в кафешке?

– Светлый. Мне кажется, там кто-то есть, кто видел ее. Какой-то блондин. Возможно, с ребенком в коляске или с женой и с ребенком. Быть может, они сидят в том кафе до сих пор и... едят мороженое.

– Сладко и холодно?

– И ложечка.

– Мороженое в кафе возле большого щита.

– Да.

Они замерли. Марат, освободившись, подобрал их странное оружие с широким дулом, взял напарников на прицел.

– Не вздумайте дергаться!

Рыжий и Темный переглянулись. Станный взгляд, как если бы они обменялись какой-то информацией. Страх или растерянности на их лицах не было. Точь-в-точь двое взрослых, которые не знают, как поступить с чужим ребенком, проявившим крутой нрав.

– Какого черта тут происходит? – Марат приподнял оружие, сделал шаг вперед. – Или вы мне расскажете, кто вы такие, или я...

– Убери палец с курка, – сказал Темный. – Ты все равно не выстрелишь.

– Что?

– Это наше оружие. Ты из него не выстрелишь.

Марат вдавил приклад в плечо, напрягся.

– Да неужели?

4

Глебов рассматривал женщину-следователя, которая представила ему отчет, рассматривал, не беспокоясь о том, что его взгляд может быть воспринят слишком откровенно.

Эффектная, черт дери. Молодая – вряд ли за тридцать, не замужем, спортивная фигура, приятное лицо. Такие девушки сами по себе – редкий экземпляр. Если бы он видел подобную ситуацию в каком-нибудь фильме или прочитал бы об этом в книге, он бы поморщился и выдал вердикт: шаблонное притягивание за уши. Таких женщин среди оперативников не бывает и уж тем более не бывает среди следователей, которые ведут дела. Ей бы шляться по ресторанам с каким-нибудь

удачливым предпринимателем, в крайнем случае, быть примерной женой бывалого мужика, но никак не работать в полиции, занимаясь преступлениями, которые не раскрываются сходу, как убийства в пьяном угаре.

Однако все происходило в реальности, и – как она там представилась? – Карина сидела перед ним во плоти, ожидая его реакции на бумаги и краткое пояснение.

Если он правильно понял, имя Карина имело значение «дорогая», и она действительно выглядела дорого. Не в плане того, что она дорого обойдется тому, кто рискнет с ней встречаться, нет, она сама по себе во всем деталях своего внешнего вида казалась слишком шикарной и привлекательной для теперешней ситуации, для ее работы в полиции и для кабинета Глебова, который даже по меркам ФСБ был весьма аскетичен.

Пожалуй, пора направить свои мысли в иное русло, иначе они с Кариной просидят так еще долго, и его взгляд уже не сможет допустить двусмысленного толкования.

Глебов заставил себя – твою мать, понадобилось усилие! – переключиться на лист формата А 4, не глядя по сторонам. Какой бы красоткой она не была, эта следователь, сам факт этот ничего не менял. Точнее, он имел не больше практической ценности и значения, нежели

красивый закат, шелест прибоя или блики на водной глади при восходе солнца. Красиво, но не более того.

Глебов сосредоточился на распечатке. Уже то, что дело решили передать ФСБ, говорило о многом. Были там стандартные моменты, но кое-какие детали бесспорно увязывали события в одно дело. Две перестрелки, довольно туманные, стоит признать, показания очевидцев практически отсутствуют. В одном случае – убили супружескую чету, и, быть может, похитили их ребенка (пока ничего точно не ясно), по крайней мере, пока никто не звонил и не заявлял о выкупе, хотя времени прошло мало. В другом случае – перестрелка в квартире одинокого старика, который ни к чему криминальному никогда не имел отношения. И умер не от пулевых ранений, а от асфиксии. Удушье, обусловленное кислородным голоданием. Пока еще криминалисты разбираются, возможно, появится что-то новое, но сейчас известно одно: никто старика не задушил, не накинул петлю на шею.

И все же было кое-что существенное, что и позволило вычленивать эти дела из множества иных, после чего перевалить их на чужие плечи. Правда, зацепка оказалась неоднозначная.

Глебов всмотрелся в странные значки, выделенные жирным шрифтом, которые лишь на

первый взгляд напоминали латинские буквы, но таковыми не были. Скорее, они напоминали некие символы.

Н

Символ обнаружили на калитке позади дома, где исчез ребенок, а родители оказались убиты. Символ был написан кровью какого-то животного, возможно, кошки или собаки.

Еще один символ нашли внутри. На полу, в комнате, где лежал один из трупов.

В

Этот символ являлся плоским вырезанным из дерева куском.

Эти два значка были не единственными в этой истории. Там, где нашли мертвого старика, был третий значок – этот еще сильнее напоминал знак, а не букву.

У

Опять-таки – вырезан из дерева. Найден в вещах погибшего старика. Смотрелся инородно: такое ощущение, что его туда подложили.

Глебов скользнул взглядом в нижнюю часть отчета, где давалось предположение того, что означали символы. Вчитываться он не стал, посмотрев на Карину. Не то чтобы он позволил себе паузу, скорее, решил проверить свои ощущения: какие ассоциации возникнут именно у него, без учета мнения специалистов.

Никаких ассоциаций не возникло. Пусто. Может, это к лучшему? К чему гадать, если получены четкие данные? Глебов скользнул взглядом на бумагу.

Карина выяснила, что речь, скорее всего, шла о рунах. Письменность древних германцев. Употреблялась с 1-го–2-го веков по 12 век Н.Э. на территории стран Северной Европы: Дания, Швеция, Норвегия, Исландия. Кое-где в Швеции руны использовались вплоть до 19-го века. После принятия христианства руны вытеснила латиница. Руны имеют специфическую угловатую форму, что удобно при вырезании. Считается, что сам термин «руны» имеет связь с древнегерманским корнем «*ru*» – тайна. Также предполагается связь с древненемецким словом «*runen*» – таинственно шептать. Считалось, что руны были не просто знаками для передачи информации, не просто древним алфавитом народов Северной Европы, но и знаками для магических ритуалов. В любом случае в прошлом рунам приписывали определенные мистические свойства. Хотя первоначальные названия рун не сохранились, и существуют лишь реконструкции.

Глебов посмотрел на Карину.

– Иных вариантов не предполагается? Что эти знаки все-таки не руны?

– Пока нет.

– Ваши выводы? Какая-то секта?

– Пока не могу сказать. Слишком мало времени прошло, мало информации. Пока я копала только по рунам. Что означают, названия, различные свойства.

Глебов слегка встряхнул распечаткой.

– Мне тоже показалось, что вы напечатали здесь не все. Оставили, так сказать, кое-что, что можно сообщить на словах.

Карина кивнула.

– Да. Пока эта информация может быть просто лишней, и я... Но если вы хотите знать все, что узнала я...

– Хочу.

– Первая руна, похожая на «Н», которую обнаружили на калитке, называется «Хагалаз» и означает «разрушение». По другому варианту это может означать «град». Основной смысл: выход из некоего заколдованного круга. Нечто держит тебя в плену, ты находишься в плену негативных отражений собственной внутренней энергии... Если человек не в силах самостоятельно выйти их круга, он чертит руну «Хагалаз», и она производит необходимый взрыв.

Карина посмотрела на Глебова, ожидая реакции. Тот не знал, как реагировать, и просто кивнул: продолжай.

– Следующая руна, похожая на латинскую

«В», называется «*Беркана*». Прямое значение руны – береза. Но, по сути – женщина. В поэтическом эпосе стран Северной Европы березой часто обозначали женщину. Еще березовыми ветками укрывали умерших. То есть здесь это выступает, как символ возрождения. Стоит добавить о ритуалах плодородия: взаимное «битье» березовыми прутьями юношей и девушек, подкладывание березовых веток под брачное ложе. В любом случае – руна олицетворяет практичную земную женщину.

Еще один взгляд и короткая пауза.

– Продолжайте, – сказал Глебов. – Что с последней руной? Ту, что нашли в квартире старика?

– Это руна завершения. Означает «год», «урожай». Эта руна способствует завершению какого-либо важного дела. Руну можно начертать перед началом этого самого дела, вырезать на амулете или предмете, который задействован в этом деле непосредственно. Руна также помогает, если в середине этого дела возникли серьезные препятствия, которые поставили под сомнение его благоприятный исход.

Снова пауза. Глебов встретился с Кариной взглядом.

– Карина, вы хорошо поработали, тем более за такой малый временной срок, но... Что вы скажите

по поводу своего личного ощущения? Эти знаки... Какими бы грозными они не казались, к чему они? Что они такое? – Глебов пожал плечами. – Мне это все кажется каким-то несерьезным. Одна проблема: погибли люди, и на месте преступления обнаружены эти знаки. Пафос? Способ запутать? Или... руны имеют непосредственное отношение к трагедии?

Карина задумалась. Глебов не торопил ее, не отвлекал.

– Не люблю гадать. Не люблю домыслов. Но эти знаки не появились просто так. Не важно, влияли они на происходящее, или это лишь способ обозначить то, что совершено. Что-то вроде подписи.

Глебов усмехнулся.

– Здесь был Вася. Или: ответственность за вчерашний теракт берет на себя группировка «Хезболла».

– Что-то вроде этого. Даже если это всего лишь подпись, должна быть причина, почему выбрали именно руны, а не хинди, древнеегипетские иероглифы или мандаринский диалект.

– Мать их так... Кто же эти нью-террористы?

– Это и надо выяснить. Пока зацепок немного.

Марат пытался сдержаться, но, как ему показалось, указательный палец правой руки пришел в движение. И курок не сдвинулся ни на миллиметр. Темный не блефовал?

Ни тот, ни другой не двигались, и Марат удержался, чтобы не проверить и убедиться, выстрелит ли он из странного оружия. Если у него ни черта не получится, шансов справиться с противником, нет. До нормального оружия ему не добраться – не позволят.

– Последний раз спрашиваю: кто вы такие? И что за хрень творите?

Если они игнорируют эту угрозу, ему надо что-то предпринять. Что? Ткнуть Рыжего в пузо широким дулом? Кажется, иных вариантов просто нет.

Заговорил Рыжий:

– Отложи эту штуку. И поговорим.

Марат не успел ответить – его опередил Темный:

– А лучше держи нас на прицеле. Если тебе так спокойней. Сейчас мы выйдем отсюда, сядем в нашу машину и кое-куда прокатимся. Ты держи нас на прицеле все это время. В машине мы сядем спереди, ты – сзади.

– Что ты несешь? Какая машина?

– Мы хотим, чтобы ты проехал с нами. Посмотрел, что мы будем делать. После этого решишь, как быть с нами. Справедливо?

Марат ничего не понял. Они что-то предложили, такое же странное, как они сами. Оттягивают неизбежное в надежде, что он совершит оплошность? В это почему-то не верилось. Слишком сложно. Можно придумать что-то без поездки на машине.

Значит, есть некий смысл, и эти двое не спешат его обезоружить и ликвидировать? Нужно решаться. Иначе это не контроль ситуации, это уже его контролируют.

Он сделал движение дулом.

– Вперед. Без резких движений, идти не спеша.

Рыжий и Темный переглянулись. Марат открыл рот, чтобы поторопить их, но слов не понадобилось. Темный и Рыжий поспешили на выход. На пороге Марат слегка зацепился, но равновесие удержал, не прекращая целиться в их спины.

Они вышли на улицу. Чем-то неуловимо пространство перед домом напоминало дворик у дома, где жил Илья. И где Марат впервые столкнулся с этими типами. Справа и слева соседние дома. Впереди спортплощадка, огороженная сетчатым забором, дальше –

небольшой скверик, за которым вздымаются многоэтажки.

– К черной машине, – Темный обернулся на Марата, убеждаясь, что тот его слышал.

Они прошли к «Фольксвагену». Темный сел на пассажирское сидение, Рыжий – за руль. Марат – на заднее сидение. С каждой минутой он чувствовал себя все более неуверенно. Стоит признать, даже глупо. Он держал их на прицеле, но вид у них был такой, как если бы они решили подвезти Марата, сделав ему одолжение.

Куда они, черт их дери?

Рыжий вел машину осторожно. Даже не видя его лица, Марат заметил по его спине, какого напряжения это стоило Рыжему. Что-то тут не так. Казалось, человек надрывался, а не вел машину, пусть и по загруженным транспортом улицам.

Спустя полчаса езды, где медленней, где быстрее, они припарковались рядом с уличным кафе на Садовом кольце. Темный и Рыжий обернулись, рассматривая посетителей. Ни тот, ни другой не обращал внимания на Марата и его ружье – вернее, оружие принадлежало им самим. Непроизвольно Марат проследил за их взглядами, оторвавшись всего на пару секунд.

Рыжий нахмурился, медленно качая головой.

– Его уже нет.

Темный, не глядя на напарника, спросил:

– Уверен, что он не вошел внутрь?
Освежиться, облегчиться?

Рыжий промолчал. Оба ждали.

– Его здесь нет, – Рыжий втянул воздух, как животное, которое принюхивалось к стоянке людей. – Опоздали.

– Не спеши. Должен быть кто-то, кто его видел. Должен...

Рыжий медленно открыл дверцу, вышел из машины. Мимо на средней скорости проезжал поток машин. Редкие пешеходы на тротуарах говорили по мобильникам, смотрели на витрины, на вывески магазинов, контор. На Рыжего никто не обращал внимания.

Марат хотел окликнуть его, чтобы тот не отходил дальше, чем надо, но промолчал. Ему показалось, что Рыжий лишь отмахнется. В лучшем случае просто проигнорирует Марата.

Рыжий повертел головой, оглянулся на Темного. Марат заметил во взгляде странного типа растерянность, если Рыжий мог что-то подобное испытывать. Они застыли на пару секунд, и это напоминало бессловесный молчаливый диалог.

– Никого не нахожу, – сказал Рыжий.

– Возьмем хоть кого-нибудь. Мы не должны упускать этот шанс.

Рыжий нахмурился, выпятил нижнюю губу.

– Не надо.

– Мы упустим ее.

– Нет.

– Надо кем-то жертвовать. Иначе все без толку.

– Кем же? Взять первого встречного?

Темный замаялся. Марат пытался понять, о чем речь, но не мог. Оставалось лишь ждать.

– Не первого, – наконец, сказал Темный. – Но кого-то ты должен выбрать.

Рыжий принялся снова. Отошел на пару шагов. И еще. Марат уже не собирался его контролировать. В движениях Рыжего появилась отчетливая тяжеловесность. Казалось, каждый последующий шаг давался ему все с большим трудом. Это можно сравнить с усталостью, граничащей с изнеможением, или с болью, которая не дает человеку расслабиться.

Рыжий миновал столики, остановился у витрины магазина, примыкавшего к кафе. Беглый взгляд на посетителей.

– Что с ним? – спросил Марат. – Долго вы будете... морочить мне голову?

– Он ищет...

Это ничего не объяснило, но иных вопросов Марат не задавал.

Рыжий вернулся, снова миновал кафе, машину, из которой на него смотрели Марат и Темный, прошел окна банковского отделения,

двинулся дальше, резко остановился, оглянувшись.

Его взгляд задержался на женщине, которая только что вышла из банка. Зрелого возраста, но одетая, как девушки лет двадцати пяти. Что-то было в ней манерное и неприятное, хотя выглядела она эффектно. Даст фору дамам и моложе. Она шагнула к одной из припаркованных машин, села за руль, бросила сумочку на пассажирское сидение.

Темный подался вперед, и Марат решил, что тот сейчас выскочит из машины.

– Она? – спросил Темный.

Рыжий кивнул, шагнув к белому «Мерседесу». Манерная красотка сорвала машину вперед, глянув на Рыжего.

– Быстро! – сказал Темный, перебираясь за руль. – Садись!

Рыжего качнуло, когда он поспешил к машине. Казалось, странный тип упадет, но он ввалился на пассажирское сидение.

– За ней, – голос у Рыжего дрогнул.

Темный посмотрел на него, убедившись, что напарник захлопнул дверцу.

– Пристегнись.

– Она... скоро умрет. Осталось лет пять-шесть, не больше, – казалось, он что-то объяснял.

– Что с ней?

– Кажется, злокачественная опухоль. Я не

уверен.

– Неважно.

Темный увеличил скорость, нагоняя «Мерседес».

– Зачем она вам? – спросил Марат.

– Увидишь.

Марат помедлил, но решил, что должен получить ответ именно сейчас.

– Зачем она вам?

Он поймал на себе взгляд Темного в зеркальце заднего обзора, после чего тот сосредоточился на вождении. Он обогнал одну машину, вторую, третью, прежде чем оказался позади «Мерседеса» с красоткой. Марат не знал, как поступить. Его требование игнорировали, но машина двигалась на скорости, и угроза водителю была бы не лучшим решением.

Вместо Темного заговорил Рыжий:

– Она видела тех, кто нам нужен. Мы сможем их найти.

– Как? – как только у Марата вырвалось это, он вспомнил старика – соседа Ильи. – Что вы с ней сделаете?

«Мерседес» свернул на боковую улицу, снизил скорость, припарковался возле входа в какую-то контору или офис. Темный остановил машину рядом, и даже Марату стало ясно, что время на ответы истекло. Рыжий выбрался из

машины, шагнул к женщине – та уже тянулась к ручке двери.

Звонок мобильного вынудил ее остановиться, достать телефон и ответить. Рыжий оглянулся на Темного, в его глазах Марат заметил боль и неуверенность.

Темный никак не отреагировал на немой вопрос напарника. Во всяком случае, Марат ничего не заметил. Темный напрягся в ожидании.

Рыжий повернулся к женщине в тот момент, когда она, продолжая говорить, потянула дверь на себя. При этом она заметила, что к ней проявляет интерес некий неформальный тип, и покосилась на него.

– Пойдите! – Рыжий, пошатнувшись, шагнул к ней.

– Что угодно? – в ее голосе к высокомерности примешался страх. – Я спешу.

– Это... не займет много времени.

– Что вам надо? – теперь страх затмила злость.

Рыжий бросился на нее, неуклюже, но дама опешила – не ожидала подобного. Прежде чем она распахнула дверь, Рыжий обхватил ее своими лапищами, дернул назад. Она успела крикнуть внутрь здания, попыталась вырваться. Ей этого не удалось, но она вынудила Рыжего остановиться.

Темный выскочил из машины, вытянул руку с какой-то черной коробочкой. Послышался треск, и

Марат понял, что Темный воспользовался электрошокером. Дама вскрикнула, обмякла.

Рыжий повалился вместе с ней на землю. Темный потянул напарника за руку.

– Вставай! Быстро!

Марат заметил, что Темного трясет. Да, его била дрожь. Когда он вынудил Рыжего встать, и Марат увидел его лицо, ему стало не по себе. В каплях пота, искаженное смесью злости, страха и напряжения. Ему было плохо, как и Рыжему?

Вдвоем они втянули женщину на заднее сидение.

– Сядь за руль! – крикнул Темный Марату.

Марат подчинился. Скорее, подчинилось его тело. Марат, дав задний ход, крикнул:

– Что за хрень? Это ж уголовное преступление!

– Быстрее!

Марат отъехал к началу улочки, и Темный хлопнул его по плечу.

– Хватит.

Манерная красотка не потеряла сознание полностью и теперь приходила в себя, что-то бормоча. Рыжего затрясло.

– Мне плохо... Надо быстрее.

– Давай, – сказал ему Темный. – Здесь.

Марат оглянулся, заметил, как из офиса кто-то выглянул, задержал взгляд на их машине. Выглянул

еще кто-то, они исчезли. Появились снова, что-то выкрикивая внутрь здания.

– Нас заметили! – Марат выжал сцепление. –
Надо уходить!

– Нет! Стой! – Темный сжал его плечо. –
Поздно. Дай ему сделать это.

Красотка застонала, пытаясь протиснуться на выход. Рыжий прижал ее спиной к своей груди, обхватил ее голову руками. Ладони чуть выше ушей. Точь-в-точь, как со стариком.

Женщина затихла, глаза закрылись.

– Господи, – вырвалось у Марата. – Что тут происходит?

Женщина вздрогнула, застонала. И забормотала какие-то слова.

3. ТОННЕЛИ И ПРОНИКАЮЩИЙ. ТОНКИЙ МИР И ТОННЕЛИ

1

Тоннели тянулись, разбегались в разные стороны, пересекались под невыслыми углами, а он скользил по ним, скользил, стараясь изо всех не отвлекаться на то, что притягивало его взгляд, старался не упустить яркое развевающееся платье, которое скрывалось за очередным поворотом,

возникало опять и снова скрывалось, как если бы участвовало в беге наперегонки тет-а-тет.

Каким-то образом Амиуц знал, что не вспомнит ничего из увиденного, однако это не снижало его стремления. Не упустить. Взять самое необходимое. Не больше. Амиуц знал, что груз может оказаться непосильным, и результат по возвращении окажется нулевым. Надо брать то, что необходимо, ради чего он здесь и оказался.

Отвлекаться же было на что. Когда-то давным-давно Амиуц узнал, что у любого человека имеется глубинная память, где содержится все, что с ним происходило ранее, в прошлых жизнях или реальностях, все, что уловил его взгляд, его обоняние – любой запах – или осязание. Любые слова незнакомца, прошедшего мимо, любая надпись, которая оказалась в поле зрения человека, если даже он ее не только не прочитал, но даже не отметил ее существования, он все равно знал о ней. Несмотря на это, несмотря ни на что человек хранил у себя, как в темной комнате с запертой дверью, массу информации, немислимой и неоднородной.

На самом деле он хранил в себе целую Вселенную.

Проблема заключалась лишь в том, чтобы найти и заскочить в эту комнату. Не просто заскочить, но и взять необходимое, не все подряд.

Кроме того, что ненужное стало бы лишь отягощать и мешать использовать необходимое, это могло превратиться в катастрофу. Воспоминания-события в подобной комнате выглядели, как горшки, составленные в ряды. И, если бы человек схватил один из горшков, вся система пришла бы в движение и рухнула. Он просто не вынес бы, не использовал той незначительной детали, ради которой и оказался в подобной комнате. Он должен был стать избирательным и аскетичным еще более, нежели тот, кто даже близко не подошел к комнате, где есть все. Нужно было сосредоточиться на чем-то одном, а это почти нереально. В подобное путешествие мог отправиться лишь необычный человек, иначе это путешествие стало бы для него последним.

Когда-то Амиуц не был уверен, что это ему по плечу, но выбора не было, и у него все получилось: он дерзнул и прошел основные препятствия. Теперь он был, что называется, «бывалым». И основная сложность, которую он сразу познал, представляла собой то, что Амиуц должен действовать, как прежде.

Что-то мелькнуло справа. Скорее не мелькнуло, просто притягивало взгляд. В этой реальности ничего не могло мелькать, блестеть, сверкать. Что-то требовало обратить на себя внимание, но развевающееся платье женщины, за

которым Амиуц стремился, исчезло за ближайшим поворотом, и он вновь удержался от соблазна, который явно сгубил бы его, по крайней мере, сделал бы эту попытку бесплодной и бесполезной. Он рванул вперед, если определение «рванул» имело что-то общее с тем, что он делал, дабы достичь ту, что преследовал.

И снова платье исчезло за поворотом, но Амиуц почувал: он нагоняет ее, и, значит, что-то вот-вот произойдет. Ему нужно выдержать эту линию, и первый раунд будет за ним.

Платье оказалось совсем близко, и Амиуц увидел стоянку возле крупного гипермаркета, где в глаза бросилась белая машина, там находились молодые мужчина и женщина. Он – светлый в светлой одежде, она – миловидная и притихшая. Она держит его за руку, он смотрит перед собой в одну точку. Он в прострации, они никуда не спешат, им не до того.

Какое-то время они еще будут находиться на том самом месте, которое женщина показала Амиуцу.

В реальности женщины, за голову которой держался Амиуц, глядя перед собой невидящими глазами, она вздрогнула и голосом, отдаленно напоминающим ее обычный голос, выдала:

*машина ... Молчание ... Он и она ...
Тишина в шуме ...*

На самом деле женщина заговорила еще раньше, слов было сказано немало – не меньше трех десятков, но лишь эти слова Краза записал по-особенному, отсеяв те, что замешались между ними. Лишь в них звучала та интонация, которую он улавливал, вода по бумаге старинной ручкой с чернилами.

Платье мелькнуло за очередным поворотом, но Амиуц ослабил свой бег-полет-стремление.

Он узнал основное.

Все, что последует дальше, несло в себе обман, иллюзию, опасность.

Нужно возвращаться. Возвращение было не в предмет легче, нежели преследование. Быстрее и безопаснее. Однако при развороте Амиуц снова что-то уловил. Чтобы убедиться хоть в чем-то, ему нужно было сосредоточиться на этом «чем-то», но он не хотел рисковать. Это могла быть ловушка, которую оставил враг. Также это могло быть что-то важное, некая информация, которая поможет в будущем. Выбор оставался за тем, кто оказывался перед этим выбором: смотреть или нет. Проигрыш или выигрыш. Полезная информация или беда. Пан или пропал.

Что-то вроде извращенного варианта покера.

Это было что-то важное, сомнений у Амиуца не осталось, но враг мог выдать и не такую ловушку. Уж лучше трудности и незнание впереди, нежели нокаут на этом этапе.

Амиуц зажмурился, потряс головой, отгоняя наваждение. Он не станет смотреть, нет. Быть может, его подсознание в этой реальности выдало ему что-то важное, но отличить эту информацию от западни, которая прихлопнет его, сложно, очень сложно.

Наверное, нереально.

Амиуц позволил потоку нести себя обратно, не глядя по сторонам. В этой реальности он не мог сожалеть, но нечто, что он чувствовал, можно было отдаленно охарактеризовать именно этим человеческим ощущением. Он сожалел, что, возможно, упускает шанс исправить что-то впереди, но решение оказалось принято.

Когда он пришел в себя и осознал, что все еще держит руки на голове манерной красотки, Амиуц испытал чувство облегчения. Он «вернулся», в который раз «вернулся», но в этот раз что-то было иначе. Что-то изменилось, но понять, что именно, он пока не мог.

Впрочем, были свои проблемы и в этой реальности.

– Она живая? – голос Марата.

Голос доносился, как из другой Вселенной, но

в нем присутствовали страх и угроза.

2

Они увидели машину «скорой помощи», как только выехали на проспект и решали, как поступить с женщиной. За рулем был Марат, и он быстро сориентировался: передать медикам несчастную лучше и проще, нежели просто где-то ее оставить.

Марат нагнал «скорую помощь». Темный знаком попросил водителя остановиться, и они быстро вынесли обмякшую женщину. На все вопросы отвечали односложно: ехали, увидели потерявшую сознание, подобрали, чтобы отвезти в больницу, но так спешат, что им некогда даже что-то уточнять. И Марат не хотел, чтобы кто-то из санитаров увидел состояние Рыжего.

Они действительно спешили.

Некто, кто был им нужен, находился на стоянке перед гипермаркетом – ближайшем к этому месту, на проспекте Мира, – но, кто знает, сколько времени он там пробудет. Может, он ждет кого-то, и ожидание затянется не на один час, а может, он уже выехал, и теперь им снова нужно искать человека, который выведет их на этого блондина.

Марат старался ехать как можно быстрее, но

так, чтобы не привлечь внимания. Перед глазами стояла картина: искаженное лицо женщины, застывшая физиономия Рыжего, как если бы он находился где-то далеко, легкое движение руки Темного, который держит в руке перо. И его собственные расширенные глаза в зеркальце заднего вида. Глаза, в которых были вопросы: что он тут делает, как он в это ввязался, что тут вообще происходит?

Эти двое обещали ему, что он поймет что-то важное, но этого не произошло. Причем обвинить их в том, что они солгали, сложно.

Когда странный «сеанс» закончился, Марат не знал, что делать. Страх за незнакомку усилился: она обмякла, казалось, жизнь ее покидает. Марат ткнул Темного дулом.

– Она жива? – он с трудом сдерживался, чтобы не кричать.

Темный оглянулся.

– Жива... Но ей нужно в больницу.

– Господи! Ты говорил, чтобы я увидел, что вы будете делать. Что я все пойму! И решу, что с вами делать! Так вот – я ни хрена не понял! Что, прикажешь, с вами делать? Раскроить ваши умные головы? Что?!

Марат чувствовал, что уже не в силах себя контролировать. От рокового шага его удерживало лишь то, что эти двое, если принять во внимание их

состояние – Рыжий почти в обмороке, Темный выглядит измотанным, подавленным и неспособным проявить агрессию в отношении Марата, – вряд ли сейчас опасны, и, самое главное, он по-прежнему не знает, кто они и для чего использовали незнакомую женщину.

Он должен это выяснить.

– Ты все расскажешь! Тебе понятно? Ты слышишь?! – Марат обращался к Темному потому, что не был уверен, что Рыжий его понимает.

Темный кивнул.

– Мы спешим. Опаздывать нельзя. Я все расскажу по дороге. Только тебе придется сесть за руль. Пожалуйста.

Их взгляды встретились, и Марата убедила безмерная усталость в глазах Темного.

Ничего не сказав, он сел за руль, завел двигатель. Он ждал, что Темный заговорит, но разговор отложило появление «скорой помощи». Когда проблема незнакомки решилась, Марат быстро сказал:

– Говори.

– Что ты хочешь знать?

– Все! Кто вы такие?

– Люди, похожие на вас.

Марат осознал, что ответ не так чтобы его удивил, но он едва не выпустил руль и удержался, чтобы обернуться. Он сжал пальцы, следя за

дорогой.

– Ты же не хочешь сказать, что вы – инопланетяне?

Короткая пауза. Темный прерывисто дышал. Задышался? Или думал, что сказать?

– И да, и нет.

– Что, значит, «и да, и нет»? Как можно быть инопланетянином наполовину?

– Мы из «Тонкого» мира далекой звезды. Сама звезда давно мертва, как и планеты вокруг нее. В вашей физической реальности.

– Господи... Из «Тонкого мира»? Что это такое?

– Другое пространство, и оно повсюду. Есть и у вас, на Земле.

– Бред какой-то... И что вам надо здесь, у нас?

– Найти одного мальчика. Земного мальчика. Его забрала женщина из нашего мира. Мы ищем ее.

– Зачем вам этот мальчик?

Темный хотел что-то сказать, но не хватило дыхания. Он пытался контролировать себя, но, похоже, что-то было выше его сил и возможностей.

– Вы же угробили ту женщину, – сказал Марат. – Ради чего? Что вообще происходит?

– Мне трудно говорить... Не сейчас... Ты должен поверить нам... Просто помощи. Так будет лучше... всем.

Хрипы и пауза. Марат помолчал, переваривая

услышанное. Молчал и Темный – боролся со своим состоянием.

– Я хочу знать больше. В чем ваша цель?

– Спасти... ваш мир... И свой...

– Причем тут мальчик? Что за Тонкий мир? Как мы связаны с этим миром? Почему я не знал о вас раньше? Да у меня тысяча вопросов!

– Ты все узнаешь... позже. Просто... поверь. Мы за... Свет, не за Тьму... Объяснить все нелегко. Но мы... это сделаем. В другой... обстановке. Сейчас у меня... ничего не получится.

Марат хотел возразить, но отвлекся: его подрезал мотоциклист в тот момент, когда Марат сам обгонял машину. Его бросило в пот, и на какое-то время он позабыл о Темном, Рыжем и их Тонком мире.

Спустя пару минут Марат увидел впереди гипермаркет и заколебался. Ответов он почти не получил, кроме чего-то размытого и, признаться, не очень правдоподобного. Требовать информации сейчас или обождать, пока они найдут человека на стоянке?

– Ищи... белую машину. Он в ней...

Слабость в голосе Темного все и решила. Быть может, Марат оставался под впечатлением от того, что они знали про его брата. Сейчас, возможно, не до объяснений. Иногда случаются моменты, когда остается только действовать. Марат

не смог бы объяснить, в чем причина, но почувствовал: двигайся, и будь, что будет. Логика бессильна, нет времени, и те, кто должен ему что-то ответить, выглядели неважно.

Он покинул машину, услышав напутствие Темного:

– Найди... Блондина... С женщиной.

Марат повернулся к нему.

– Не знаю, что у вас за мир, и как у вас принято, но мы... Обычно у нас хотя бы представляются.

Показалось ему или губы Темного тронула слабая улыбка?

– Наши имена очень трудно назвать с помощью вашего звучания. Но, если постараться... Меня лучше звать... Краза, – Темный посмотрел на Рыжего. – Он – Амиуц.

– Это что-то значит?

– В вашем мире – ничто. Я просто выдал близкое звучание. Иди же...

Марат поколебался: вопросы рождались, набухали, требовали ответа. Он развернулся, пошел вперед, к ближайшей белой машине.

Их было мало, и громадная автостоянка не так пугала, как можно было бы ожидать. После пяти машин он двинулся к предпоследней. Ничего не обнаружив, он вернется к странным напарникам. Они продолжают свои странные поиски, сомнений

нет, но что делать ему? Он по-прежнему не уверен, что поступает правильно. Не пора ли этих двоих прищучить: стрелять по ним, сдать полиции, уложить на землю и угрозами добиваться дальнейших объяснений? Что угодно, лишь бы не идти у них на поводу, как загипнотизированный.

И все же Марат понимал, что не сделает этого. Подобные действия ничего не решат.

Он остановился перед белой машиной. Мысли улетучились, и он уставился на мужчину в салоне, который напоминал спящего наяву: смотрел перед собой, ничего не видя. Женщина рядом, испуганная и притихшая, заметила, что на них кто-то обратил внимание. Она потрясла мужа за плечо, поглядывая на Марата. Когда блондин не отреагировал, она встряхнула его сильнее, окликнула по имени. Слов Марата не разобрал, но страх в голосе уловил.

Реакция со стороны женщины ослабила стремление Марата. Он заколебался, оглянулся на своих попутчиков. С этой точки он их не рассмотрел. Блондин очнулся от своего непонятого забытья, и женщина указала ему на Марата. Блондин непонимающе посмотрел на незнакомца возле своей машины.

– Вы им нужны, – слова вырвались у Марата прежде, чем он осознал, что именно говорит. – Я не знаю, чем это вам грозит, но я... постараюсь уговорить их, чтобы все прошло нормально. Им

надо помочь.

Он ждал, что блондин задаст какие-то вопросы, возмутится или, усмехнувшись, просто игнорирует его, но он поднял стекло в дверце, завел двигатель и дал по газам.

Марат не успел отреагировать и остановить его. Он шарахнулся назад, чтобы колеса не проехали по его ногам. Белая машина вырвалась, зацепив бок соседнего «Опеля». Блондин оглянулся, в его глазах была паника. Убирать ногу с акселератора он не собирался. Машина задела еще две иномарки, вырываясь на свободное пространство.

Марат очнулся, побежал к своим странным партнерам. Белая машина прорывалась к проспекту. Марат решил, что они потеряют ее, но заметил, как Темный – он сел за руль – выезжает следом. Темный махнул Марату рукой, тормознул, обождал, пока тот достигнет машины. Марат ввалился в салон, к тяжело дышавшему Рыжему – то есть это был Амиуц, – и Краза рванул вперед. Он едва не сбил человека с тележкой, но обошлось.

Они вырвались следом за белой машиной Блондина, отстав от него всего на два десятка метров. Однако Блондин не пытался уйти незаметно – он драпал, не разбирая дороги, задевая машины, вынуждая встречных шарахаться в стороны.

Крза глянул на Марата в зеркальце заднего обзора.

– Ты должен остановить его. Амиуц приходит в себя, но его силы понадобятся позже.

– Как остановить? Сначала догони его!

– Нам нельзя упускать его – есть вероятность, что найти подходящего человека будет нелегко.

– Так не упускай!

– Затянем погоню, появится полиция. Стреляй по колесам!

– Что?

– По колесам. Высунься в окошко и стреляй!

Марат опешил, растерянность парализовала его, правда, на считанные секунды.

– Если я подстрелю прохожих или...

– Не бойся. Не подстрелишь. Действуй. Иначе будет поздно. Нас остановят прежде, чем мы получим то, что надо.

Когда Марат высунулся, сжимая пистолет, мелькнула мысль: они используют его, а он ничего про них не знает, лишь что-то смутное и... необязательно правдивое.

Это все больше напоминало суматошный и реалистичный сон.

Марат прицелился. Нажал на спусковой крючок.

Опомнился Марат в тот момент, когда Краза вытаскивал Блондина, оставив его женщину в машине, которая уткнулась в стену здания. Женщина кричала, если это можно было назвать криком, но Краза действовал так, словно кроме Блондина в салоне никого не было.

Все произошло с молниеносной скоростью. Марат не мог вспомнить мгновения стрельбы, виляние белой машины, напор Краза – все это выпало из памяти. Похоже, он попал. Не сразу, но выстрелов пяти-шести ему хватило, что казалось неправдоподобным, учитывая, скорость, расстояние и, главное, отсутствие хоть какого-то опыта. Особенно – последнее. Но это случилось, хотя и вопреки всякой логике.

Марат остановил машину беглеца, и теперь Краза втаскивал его в их машину. Краза ввалился следом за Блондином.

– Гони! Уходим!

Марат посмотрел на вопившую женщину.

– Как же она?

– Гони, пока мы еще можем уйти!

Марат понесся прочь от этого места, готовый каждую секунду остановиться и потребовать ответа. Он так и не притормозил, пока Краза не указал на какой-то глухой двор.

– Сюда! Заезжай!

Марат так и сделал. Тенистое место закрывали кустарник и деревья, хотя вокруг были многоквартирные дома. Блондин находился в какой-то прострации, хотя сознание не потерял. Марат подумал, что Краза что-то сделал ему, перед тем, как вытащить из салона. Иначе Блондин не позволил бы себя так спокойно перетащить, он бы сопротивлялся.

Краза и Амиуц переглянулись. В глазах Краза был вопрос. Амиуц медленно кивнул, подстраиваясь позади Блондина. Марат напрягся, как если бы это ему вот-вот должны были причинить боль.

– Стоп! – он вскинул руку. – Ничего не делать! Ничего, пока я не выясню все, что только можно.

Амиуц посмотрел на Краза. В глазах – неуверенность, растерянность. Краза на пару секунд прикрыл глаза. Когда его глаза открылись, во взгляде на Марата, было что-то такое, чего тот не смог понять. Никаких определений. Краза смотрел Марату в глаза минуту, не меньше, не мигая, не отводя взгляда, но это не было попыткой задавить его, подчинить или напугать.

– Не пытайтесь вывернуться. Я должен все узнать. Должен.

Краза медленно кивнул, посмотрел на Амиуц.

– Покажи ему.

Амиуц смешно приоткрыл рот, закрыл, тихо выдавил, будто что-то мешало ему говорить:

– Это займет время, а этого человека, – он глянул на Блондина. – Будут искать.

Краза снова прикрыл глаза.

– Он хочет узнать, почему должен помочь нам. Покажи ему.

Амиуц сделал неопределенное движение, и Марат покачал головой.

– Э-э... Я не понял. У вас что, домашнее видео? О том, как вы резали торт на юбилей?

– Ты просто «увидишь», – последнее слово Краза сказал с особой интонацией, исключаяющей понятие «смотреть видео».

Амиуц застыл, но продолжил возню: сунул руку в карман, что-то поискал, вытащил. Марат пытался рассмотреть, что в кулаке, но тщетно: не разобрать.

– Что если это повредит ему? – пробормотал Амиуц. – Мы не знаем, что он за человек.

– Значит, он не тот, кто нам нужен, – сказал Краза. – Начинай.

– Что вы еще задумали? Карточный фокус? Хочу вас предупредить, мои дорогие шулера, что...

– Ты должен проглотить это, – сказал Краза.

Амиуц протянул руку, разжал пальцы. На ладони лежал приплюснутый шарик травяного

цвета. Что-то вроде пилюли. Маленькая таблетка на ладони с пухлыми короткими пальцами.

Марат почувствовал отвращение, произвольно покачал головой.

– Что за хрень? У вас кружок начинающих наркоманов?

Амиуц посмотрел на Краза.

– Он не захочет, – голос переполнило недовольство ребенка, которому не дают игрушку.

Краза что-то достал из кармана. Одно движение, молниеносная вспышка, и Марат почувствовал тупой удар в грудь. Боли не было, но онемение, растекшееся по телу, сделало свое дело быстрее, чем он попытался дотянуться до Краза. Руки перестали слушаться, затем корпус, потом – ноги. Две секунды, и он – готов. Марат что-то промычал, с опозданием осознав, что даже не может говорить. Его парализовало, и он превратился в беспомощное дитя.

Дитя оказалось полностью во власти этих двух типов, минуты назад едва ли не таких же беспомощных.

И все же он не собирался сдаваться даже в таком состоянии. Ясно, что его обманули, провели, как дурочка. Он завалился на бок – он не станет жрать это зеленоватое дерьмо, во всяком случае, им придется повозиться, чтобы он это сделал.

Краза подался к Марату, склонился.

– Поверь, по-другому ты ничего не поймешь...

Даже слова доходили до его сознания с каким-то опозданием: это были жирные неуклюжие птицы, летящие сквозь длинный темный тоннель, в конце которого находилось то, что отвечало за их восприятие.

– Раскрой рот... Это не больно... Это поможет «раскрыть» глаза.

Марат замычал, и собственное мычание доходило до него с задержкой. Краза взял у Амиуц таблетку, попытался разжать сжатые зубы Марату пальцами. Марат замычал громче.

Краза помедлил, покачав головой, и сжал Марату горло. Тот закашлялся, разжав зубы. Краза положил ему в рот таблетку. Марат пытался ее выплюнуть, но язык, как и остальные части тела, парализованный, онемевший, не мог с этим справиться: все равно что двигать языком булыжник величиной с кулак.

Краза сжал Марату челюсти, застыл, не давая тому выплюнуть таблетку.

– Поверь нам... У нас так мало времени...

Перед глазами у Марата все поплыло. Он терпел, терпел, где-то глубоко в затухающем сознании понимая, что проиграл, и таблетка все равно окажется в его желудке. Марат лишь оттягивал неизбежное. В конечном итоге, он

перестал осознавать, что происходит, глотнул, задыхаясь, и Краза отпустил руки, заглядывая Марату в полуприкрытые глаза. Во взгляде сквозила отеческая забота, но Марат этого уже не видел.

Он увидел совсем иное. И это иное нереально было описать человеческими словами. Это заняло считанные минуты, но Марату – вернее тому, что воспринимало увиденное – показалось, что он прожил вечность.

4

Марат щурился, пытаясь сфокусировать взгляд, и смутные тени перед глазами медленно, но верно превращались в Амиуц и Краза. Он по-прежнему находился в машине, стоял день, но было что-то еще.

– Что это за слои? – прошептал Марат.

Слова получались, как мыльные пузыри: хрупкие, прозрачные, они улетали куда-то вверх, сразу же теряя собственный смысл. Марат был то ли пьян, то ли его мутило, как после отравления. Из-за этого все перед глазами дрожало, множилось, как если бы каждый предмет обладал сотнями отражений от невидимых зеркал.

Раздался голос – кто-то отвечал на вопрос.

Чей это голос? Впрочем, неважно. Все равно это были не слова, хотя Марат воспринимал идущую откуда-то информацию, как слова. Слова-не слова? Зато он получал ответы.

Мир пронизывали множество слоев. Лучше не уточнять цифру – бесполезно. Иные слои, отличные от того, где обитал Марат, заполняли другие люди и те, кого людьми назвать было нельзя. Люди из других слоев, по сути, ничем не отличались. Основой каждого человека была и является божественная монада или душа, говоря по Земному. Остальное было следствием места и среды обитания.

Мир – или слой – Марата занимал среднее положение между Верхними Мирами или Мирами Возмездия. Амиуц и Краза существовали в Тонком мире, который следовал сразу за миром физической реальности. Когда-то предки Амиуц и Краза жили в таком же физическом мире далекой звезды, которую люди с Земли именовали «Антарес». Однако сами жители называли звезду «Сердце Скорпиона». В этом месте Галактики сходились несколько одномерных миров – наихудшие варианты Ада. Тьма, чье воздействие слишком глубоко проникало в физический мир планет, где обитали люди, вынудила их постепенно перейти в Тонкий мир, где ее влияние оказалось не в пример слабее.

В Тонком Мире не так довлели проблемы физического выживания, все выглядело проще, легче, светлее. Найденный способ «ухода» сыграл неожиданную роль: постепенно в физическом мире планет не осталось людей. Вслед за этим планеты сами стали мертвыми.

Так умирают и исчезают брошенные деревушки, когда жители находят иное место и переселяются.

Нечто подобное едва не произошло на Земле, когда христианство стало теснить язычество, а латиница заменять руническую письменность. Силы Тьмы подчинили Церковь и действовали под маской добродетели, а не в открытую. Однако на Земле «ушли» лишь сотни – массового исхода, как в системе Антареса, не случилось. Своя специфика породила определенную сложность перехода и не позволила не только продвинутым друидам увести за собой людей, но и силам Тьмы не дала развернуться по полной. Когда-то граница между Тонким миром Земли и ее физической реальностью не была такой резкой, разрыв увеличился именно после упадка рунической письменности.

Система Антареса опустела, и в какой-то степени эта пустота стала буфером между людьми и Мирами Возмездия. Однако в этом плюсе зародился минус, проявившийся лишь со временем. Физическим миром Антареса завладели силы Тьмы.

И влияние все мощнее сказывалось на физическом мире иных планет, где люди по-прежнему жили поколение за поколением. Все зло, которое доставалось ранее множеству миров, сконцентрировалось на планете Земля. Ситуация продолжала ухудшаться, хотя большинству землян могло казаться, что цивилизация развивается, постепенно оставляя все худшее позади, однако почти не менялось главное: духовный уровень большинства людей. Место, которое казалось ничейной землей, стало новым и мощным плацдармом Тьмы.

И все же даже Тьма знала, что ей не устоять: Сатана будет заключен на тысячу лет в темницу. На самом высоком уровне между Тьмой и Светом заключили соглашение: Антихрист не сотворит то, на что рассчитывал, до этого просто не дойдет, взамен у него появится шанс выйти из темницы раньше. Взамен давление на него ослабитя. Но для начала Он просто не придет к власти на Земле.

Но Тьма – не отдельная личность, это множество монад, порожденных некогда Создателем, но отошедших от Него. Это масса личностей со свободной волей, со своими интересами и мотивацией. И в этой массе нашлись те, кто не согласился даже с теми, кто был мощнее и величественней их.

Кто не согласился даже с заведомым

поражением.

Борьба продолжилась, и, хотя со стороны Тьмы выступали не самые мощные силы, это не облегчило задачу Света. Теперь борьба, которая, по большей части, шла в других слоях, сместилась на Землю, где воинам Света, было нелегко находиться: в чем-то это было даже хуже миров Возмездия, куда спускались самые опытные и продвинутые воины. На Земле проблемой были не демонические силы, хотя и они тоже. Здесь основным крючком, мешающим идти вперед, была физическая зависимость воина от окружающей среды. Реальность Земли обладала особой спецификой, но посланцам миров Возмездия здесь было, как ни странно, значительно легче. Возможно, это стало не последней причиной, почему именно здесь Тьма решила устроить поединок.

Физическая реальность, которая зияла пустотами – как, например, в системе Антареса и других звезд, – грозила стать местом прорыва обороны сил Света, стать новым и мощным форпостом Тьмы, откуда ее влияние зацепит даже Тонкий мир. И, самое главное, предварительное достижение: договоренность о судьбе Сатаны, угрожало рассыпаться в прах.

Причем основная сложность – и подлость Тьмы – заключалась в том, что в события оказались вплетены судьбы детей. Воины Света оказались

перед выбором, который вынуждал их действовать подобно посланникам Миров Возмездия.

Марат закашлялся и осознал себя отдельной личностью в машине, а не наблюдателем, невидимым и растворившимся в самом рассказе, который предпринимался именно для него. Он так погрузился в повествование, что стал с произошедшим единой плотью. Плотью, которая воспримет себя лишь, рассоединившись с тем, в чем она находится.

С задержкой, с трудом он понял, что не помнит ничего, что касалось бы мальчика, о котором упоминал Краза.

– Что... с мальчиком? – Марат приложил усилием, чтобы его речь была связной и внятной. – Я так ничего и... не узнал... о нем.

Краза ответил не сразу.

– Значит, твой разум пока отложил это.

– Что значит... отложил?

– Ты видел... все. Не мог... не видеть. И про мальчика видел.

– Почему же я о нем ничего не помню?

– Не знаю. Может, ты... не готов еще... воспринять что-то подобное.

– Не готов... – Марат не сказал бы, спрашивает он это или говорит утвердительно.

Он пошевелил рукой, осознав, что может двигаться – теперь его не сдерживало воздействие

таблетки, которую его заставили проглотить, или как там называлась та штука.

Быть может, эти типы действительно хотели помочь ему, не навредить?

– Твой разум поставил некий блок на пути информации о мальчике, – сказал Краза. – Но это не значит, что очень скоро, в определенный момент, ты все это не вспомнишь. Внезапно, неожиданно.

Марат встретился с ним взглядом.

– Если вы... пришли из другой реальности, как у вас получилось сюда попасть? И как вы... вернетесь обратно?

Краза помедлил с ответом.

– Пока тебя не должен мучать этот вопрос. Главное, ты знаешь: мы пришли сюда во благо. И ты должен помочь нам. Нечто выбрало именно тебя, – Краза подался к нему ближе. – Без тебя мы не справимся. Без помощи кого-то из местных. Поверь, какие бы у тебя не были проблемы, они – ничто в сравнении с тем, что ты должен сделать. И чего сможешь избежать многим и многим людям.

– Откуда тебе это известно?

– Оттуда. В нашем слое мы видим чуть больше, чем здесь, у вас. Мы знали о тебе, хотя смутно, без множества деталей. Мы даже не были уверены, что узнаем тебя, когда увидим вживую. Здесь, в вашем мире.

Марат попытался это проанализировать.

Кажется, не вышло. Вышло неважно. Его передернуло – все это не укладывалось в сознании. Он застонал, потирая виски, лицо.

Паузу прервал Амиуц:

– Мне надо сделать это... – сиплый голос, с тяжестью где-то внутри.

Краза сжал его плечо.

– Действуй.

Амиуц тяжело завозился, приноравливаясь к Блондину, который тупо смотрел в одну точку, находясь между тем, что принято считать «без сознания» и бодрствованием.

Краза достал откуда-то листок, помятый, но чистый, за ним – перьевую ручку. Теперь эти двое не обращали внимания на Марата. Им было не до того – они занялись тем, ради чего и настигли, похитили Блондина. Марату осталось лишь ждать, чем это закончится.

Амиуц монотонно забормотал, прикрыв глаза. Краза зашуршал пером по бумаге.

5

Он торопился, но держал дистанцию, осторожничал, насколько это было возможно, понимая, что есть риск упустить Человека В Белом. Тот хорошо выделялся на фоне темных коридоров,

переходивших в не менее темные улочки и обратно – в коридоры.

Иногда человек, за которым приходилось идти, перемещался по широкому пространству, где направлений было множество, иногда – по узким тоннелям. От чего это зависело, понять было невозможно. Если бы Амиуц смог принести в свое сознательное состояние этот вопрос, быть может, они с Краза обсудили бы варианты, как-нибудь дома, на веранде, глядя на закатное солнце и попивая горячий сладкий какао – напиток, известный лишь на Земле, созданный спустя столетия после массового «ухода» друидов, и в создании которого участие Тьмы было минимальным, в отличие от того же кофе.

Но об этом Амиуц мог задуматься лишь в спешке преследования, здесь и сейчас, хотя с трудом понимал, как это «здесь и сейчас» может существовать, и главное – где и когда? Так или иначе, мысль, что ширина тоннелей или коридоров зависит от собственного мира «проводника»: комплексы, страхи, неуверенность, зажатость и неутоленные желания – эта мысль оказалась неверной. Несколько раз Амиуц убеждался, что вполне раскрепощенные и уверенные в себе люди «использовали» узкие проходы, неосвещенные и безликие. И наоборот: люди, подвергнутые многочисленным и неистребимым комплексам,

могли «вести» его через нечто, напоминавшее скорее темное безбрежное поле, нежели проход или просто широкую улицу.

Однако Человек В Белом мог дать фору всем предыдущим, в чье подсознание когда-либо проникал Амиуц за свою жизнь. Его тоннели-коридоры оказались настолько узкими, что Амиуц должен был бы постоянно тереться – особенно на поворотах – о стены этих проходов плечом или бедром. Просто коридоры эти не существовали, не существовали их стены, но в погоне за тем, что должен был показывать хозяин, Проникнувший в его подсознание – в данном случае Амиуц – вынужден был пользоваться проходами так, как если бы их стены были реальными. Иначе возникла бы путаница: все равно, что погрузиться в живой Хаос, представляющий Вселенную, пытаясь выудить в нем песчинку. Нужны были правила, следуя которым Хаос слабел, позволяя взять у себя хоть что-то. Изгибы узких проходов вынуждали его сбрасывать скорость, и Амиуц догадался, что проникнет не так глубоко, как обычно, но при этом рискует «не вернуться» вообще.

Это было неспроста, хотя уверенности, что впереди ждет ловушка, все еще не было. Люди были уникальными существами, правил не существовало, и всегда могло оказаться, что

Человек В Белом – всего лишь первый подобный случай, когда его нежелание пускать кого-либо ставит своеобразные препоны: ирреально узкие проходы даже для ирреального пространства.

Амиуц несколько раз «терял» Человека В Белом, но тут же «находил», продолжая двигаться следом. Он приноровился к необходимой дистанции, и повороты получались у него плавными, во всяком случае, скорости он в таких точках не снижал.

И все же Амиуц уже отметил еще одну странность,стораживающую и необычную. Его ничто не отвлекало: ни сверху, ни снизу, ни – тем более – по сторонам. Обычно его что-то звало, манило, блестело на периферии взгляда, отвлекало и, так или иначе, требовало обратить на себя внимание. Чаще всего это была обычная информация, иногда диковинная, но не более. Еще с первым своим учителем Амиуц усвоил, что именно такие вот «посторонние предметы» могут содержать в себе *ловушку*, оставленную тем, за кем Проникнувший охотится. Так называемый *блок*. Это была зловещая игра, и нужно было выбирать: он узнает что-то важное или нет, либо – либо получает удар исподтишка, который может оказаться даже смертельным, не говоря, что болезненным, чувствительным или просто лишающим того, что проникнувший должен

забрать отсюда с собой.

Быть может, здесь, у Человека В Белом, вообще не было сколько-нибудь любопытной информации. Либо она содержалась – по каким-то своим причинам, внутренним и непостижимым – гораздо глубже. Это можно было узнать позже, когда и для спасения – если впереди ждет *ловушка* – станет поздно. Но выбора не было: он должен узнать то, без чего им не найти Хильду.

Еще несколько поворотов. Амиуц осознал, что его предчувствие – что-то не так? – усиливается. По сторонам по-прежнему ничто не отвлекало, и это уже казалось грубой фальшивкой. Казалось, кто-то поработал в сознании Человека В Белом, но поработал вызывающе – или просто торопился? – и не заботясь о том, чтобы скрыть свой грубый обман. Рассчитывал, что столь грубая работа сама по себе – таких следов не оставляют даже глупцы – вызовет недоверие и расслабит противника? Кто знает. В этих ложных, несуществующих лабиринтах, в виде которых представлялось Проникающему подсознание «жертвы», над любым Королем Лжи мог оказаться еще один, еще более лживый. Потолка в обманах – и самообманах – просто не существовало. Обман мог быть скрыт – или обнажен – в любых одеждах или степени их отсутствия.

«Вернуться» и попытаться найти еще

кого-нибудь или рисковать и дальше? Этот выбор, о котором Амиуц по-настоящему не задумывался, вдруг напомнил о себе, как нечто живое – криком. Амиуц заколебался.

И продолжил погоню за Человеком В Белом. Еще немного. Быть может, он все-таки найдет хоть что-то, прежде чем станет поздно. Будет обидно – и стыдно перед Краза, перед самим собой – если он вернется ни с чем, при этом без уверенности, что впереди ждала *ловушка*, и он отступил с полным основанием для этого.

Рисковать. Выбора не было. Он слишком измотан, там, в слое, который заполняет физическая реальность Земли, у них с напарником просто нет времени на бесконечную смену жертв.

Еще один поворот, за которым на какие-то мгновения исчезает Человек В Белом. И еще.

Теперь его ждало нечто иное, отнюдь не спина Человека В Белом.

Амиуц притормозил еще раньше, чем осознал, что надо притормозить. В этой реальности не было тела, но существуй оно, стоило сказать, что тело отреагировало быстрее разума, что вполне свойственно для физической реальности, кто бы что ни говорил.

Это оказалась *«ловушка»*, сомнений нет. Вопрос был лишь в том, чтобы не погибнуть, выпутаться с наименьшими потерями для данной

ситуации. И «вернуться». Амиуц уже ничего не возьмет с собой – тут просто ничего не было. Его заманили в подсознание того, кто изначально предназначался, как раковина, которая захлопнется, стоит Проникающему погрузиться туда, где он ничего не мог найти, кроме западни.

Человека В Белом уже не было, остались лишь его самые жуткие тени: то ли образы, которые он видел в своих кошмарах в течение всей жизни – и которые еще увидит, – то ли он был свидетелем убийства в раннем возрасте, и это «свидетельство» заполонило часть его подсознания до гротескных пределов. Быть может, это все было привнесено искусственно той, за кем они с Краза охотились. Кто знает, сколько у нее было времени для подготовки своей пакости: западни для Проникающего. И хотя люди, подобные Хильде, всегда чуяли подходящих экземпляров с темными лабиринтами в подсознании, которые наиболее подходили для «ловушки», так сказать, готовый субпродукт для приготовления «отличного» блюда, они могли использовать вполне нормальных людей, психически здоровых и не отягощенных горем, злобой, разъедающими душу комплексами или болезнью. Проблема была лишь во времени. Во времени «для готовки».

Но сейчас для Амиуц это были детали. Он притормозил и сделал резкий разворот. Это мало

помогло. Здесь не существовало поворотов и направлений.

Он не мог также прикрыть или закрыть глаза, чтобы хоть на какие-то секунды не видеть. Куда бы он ни повернулся в пространстве, где не было направлений и, значит, не могло быть поворотов, он все равно натыкался бы на то, что составляло суть ловушки. Ловушка была его миром и сутью, кроме нее сейчас ничего не существовало, и сам факт того, что Проникающий мог выбраться из этого обратно, живым и не свихнувшимся, казался абсурдом и насквозь лживым обещанием человека, никогда не существовавшего и увидевшего в кошмарном сне того, кому он это сказал.

Этот ребенок был не просто убит, его переломило ударом машины, протаскившей тело несколько десятков метров. Амиуц наблюдал, как он с непостижимой скоростью вырастал, чтобы стать кровавым куском мяса, истечь кровью, сгнить с той же непостижимой скоростью и снова возродиться. Все это происходило так быстро, что перед глазами была сплошная кровь, муки, гниение и боль. Тело будто висело на крюке – оно не двигалось, несмотря на этот жуткий круговорот в собственном бытии.

Отвернуться от этого было невозможно. Все вокруг было этим мертвым ребенком. Точно так же можно было сказать, что мир вокруг заполнили

тысячи, десятки тысяч мертвых детей, зависших на невидимых крюках. Это была смерть в своем апогее, суть существования и Бытия. Плод Небытия, скрывающий свое нутро от простых смертных, но висевший в поле зрения, вдруг вскрыли и явили его содержимое.

Амиуц заорал, сжав собственную голову. Он уже не бежал: бежать было некуда. Вокруг двигались глаза – они менялись, как и плоть на неподвижном теле. Сначала было незрячее младенческое выражение, затем появлялась осмысленность, она становилась четче и реальнее, после чего приходили глаза, переполненные болью, неверием и осознанием того, что все закончилось. Осознанием того, что Смерть сильнее Жизни, и все, так или иначе, Смертью будет повержено.

Амиуц уже не осознавал, что должен куда-то вернуться. Он орал, в панике вращаясь и получая подтверждения все новых и новых образов. Шансов выбраться из чужого подсознания у Проникающего почти не осталось.

4. РУНЫ И ПОДГОТОВКА. ШАНТАЖ И РУНЫ

Марат застыл, глядя на Амиуц. Казалось, рыжий тип задышался, глаза закатились. Он напоминал сумасшедшего, который подвержен приступам астмы. Который подвывает, и звук этот переполняют боль и ужас.

При этом Амиуц держал ладони на голове Блондина, не отпуская. Марат с трудом удержался, чтобы не сбить его руки. Он удержался не только потому, что не был уверен, как поступить правильно, основная причина была в Краза, в его действиях.

С минуту, как только это началось, Краза подался вперед и застыл, всматриваясь в Амиуц. Он будто прощупывал напарника взглядом, как руками. Еще немного, и он стал бы поворачивать его, как диковинный предмет, но это прервалось. Краза подался к напарнику, наложил свои руки поверх его ладоней. И что-то забормотал.

Марат не сразу заметил, что Краза закрыл глаза. Не сразу Марат осознал, что бормотание напоминает молитву, только на ином, незнакомом, неземном языке. Так или иначе, Краза истово молился с минуту-другую, его напарника колотило, трясло, глаза выпучивались, как если бы внутреннее давление сосредоточилось именно на глазах. Испарина на лице утолщалась, превращаясь в маслянистую пленку. Ладони белели, выдавая адское, колоссальное напряжение. Казалось, его

тело вот-вот схватят судороги или конвульсии.

Слова Краза, отчетливые, хотя и непонятные, слышались все быстрее и быстрее, они ускоряли ход, как если бы пытались опередить тот ужас, который съедал Амиуц изнутри. Не просто опередить – закольцевать, сжать в своих объятиях, как анаконда сжимает свою жертву. Марат разбирал отдельные слова, но они оставались для него непонятными, хотя интонация позволяла предугадать общий смысл.

Амиуц взвыл от боли, быть может, от страха. Тело изогнулось, он едва не вывалился из машины. На какое-то мгновение Марат был уверен, что Амиуц убирает ладони от головы Блондина. Чтобы сжать собственную голову. Почему Марат подумал об этом, он бы не объяснил. Однако убрать руки Амиуц не довелось. Краза молниеносным движением прижал руки напарника и застыл, будто закрепляя это положение: его руки поверх рук другого.

Амиуц продолжал дергаться, его выгибало, но Краза стойко держал эту позицию, не позволяя напарнику вырваться. Молиться он перестал, его лицо исказилось от напряжения.

– Возьми у меня в кармане, – сказал он.

Не сразу Марат осознал, что Краза обратился к нему. Краза вынужден был повторить. Марат подался к нему, заглядывая в глаза, чтобы понять

просьбу.

– У меня в кармане! Знак! Достань!

Марат сунул руку в куртку Краза. И вновь испытал прежнее ощущение, которое возникло у него тогда, в машине, стоило ему обнаружить в своем кармане нечто, что он в первое мгновение принял за крупное насекомое.

– Альгиз! – вырвалось у Краза сквозь сжатые зубы. – Достань!

Марат вытащил руку, сжимая в ней деревяшку.

Z

Краза отпустил правую руку, выхватил у Марата знак, прижал его к сердцу Амиуц, к его голове, снова – к сердцу. Он забормотал, повышая голос, как если бы хотел заглушить стоны напарника.

– Смотри! – резко крикнул он. – Прими!

В глазах Амиуц возникло нечто, напоминающее осмысление. Он сфокусировал взгляд на знаке, это продлилось не более двадцати секунд. Безумие в глазах вернулось, его едва не скрутило.

– Выходи! – сказал Краза. – Тебя ждут! Ты должен уйти оттуда!

Он выхватил – Марат даже не заметил, откуда – новый знак, такой же, как первый, всунул свободным концом между ладонью напарника и

головой Блондина. Еще движение – и у Краза появился новый знак. Краза всунул его под вторую руку Амиуц.

Судороги Амиуц уменьшились. Быть может, так лишь казалось, но стоны ослабели, он перестал вырываться. Его трясло, но Краза справлялся уже не с таким перенапряжением. Казалось, ситуация идет на поправку.

Амиуц вскричал, дернулся, и его руки вырвались из-под ладоней Краза. Деревянные знаки упали. Голова Блондина свалилась на грудь. Краза застыл, растерянный. Амиуц, завывая, уткнулся в дверцу. И стал раздирать себе лицо ногтями. Марат произвольно схватил его за руки, не позволив ему нанести себе же повреждения, это движение прервало прострацию Краза.

Он прижал руки напарника к голове Блондина, зашептал Амиуц на ухо:

– Выходи. Я здесь. Здесь Свет и Добро. Выходи, мы ждем тебя. Оставь несчастного, ему уже не помочь, мы будем вместе за него молиться. Оставь его, выходи. Ты нужен не только мне. Ты нужен Свету.

Марат видел, как Краза, не мигая, смотрит в одну точку: точь-в-точь находящийся в транс человек. Его руки застыли, как и руки Амиуц. Его напарник перестал вырываться и всхлипывать. Он тяжело, прерывисто дышал, но выглядел

расслабленным. Во всяком случае, попытки вырваться прекратились. Непохожие, Амиуц и Краза почему-то показались сейчас Марату братьями.

Краза, который уже не различал свою, внешнюю, реальность, незаметно для себя погрузился в тот кошмар, который вот-вот должен был добить Амиуц. Теперь они были тут вдвоем, и направленный удар той, которая поставила «блок», не мог быть убийственным для обоих. Детские тела на невидимых крюках, которые появлялись и исчезали, появлялись и исчезали, потеснились, как это не противоестественно звучит, и Краза потянул Амиуц в образовавшийся проход. Процесс разложения замедлился, остановился, и тела замерли, нетронутые, хотя и мертвые. Остановка времени лишила происходящее его ужаса. Лишила чего-то монументального и основного. Выбила из него самую суть. Теперь это были всего лишь жутковатые картинки, не более. С картинками можно справиться. В них не было силы. За ними ничего не стояло.

И Амиуц «вернулся», ведомый Краза. Оба закашлялись, как люди, вынырнувшие из толщи воды. Оба бледные, внутренне растерзанные, дезориентированные и не понимающие, что делать. Оба напоминающие подростков, сбежавших из дома, но возвращенных стечением обстоятельств в

самом для них непрезентабельном виде.

Марат потряс Краза за плечо. Он хотел спросить, что ему делать, но Краза опередил его:

– Уезжай! Увози нас!

Марат отметил, что вокруг по-прежнему никого нет, никто не видел то «представление», которое они устроили в салоне, но мысли остаться, не возникло.

– Вышвырни его! – крикнул Краза. – Ему не помочь. Просто вышвырни.

Марат, повернувший в замке ключ зажигания, оглянулся, не понимая, о ком речь. И хотя Краза смотрел на Амиуц, Марат понял, что дело в Блондине. Лицо с жутким отливом, как у мертвеца, губы шевелятся, тело какое-то одеревеневшее. И глаза – в них не было ничего осмысленного.

Марат колебался, не в силах побороть странную прострацию, и Краза открыл дверцу, пихнул Блондина. Тот повалился к открытой дверце, но дальше дело не пошло.

Амиуц закашлялся, его затрясло.

– Помоги же! – Краза посмотрел на Марата. – Мы должны спасти Амиуц. Ему плохо! Уезжай!

Марат решил. Он выскочил из салона, рванул Блондина на себя и даже не подхватил его, когда тот повалился на землю. Марат застыл на секунду, прыгнул за руль.

– Ему надо в больницу. Мы же его бросили!

– Бесполезно. Ему не выжить. Езжай!

Марат вдавил акселератор, покидая место потрясения и бросая человека, который был на пороге смерти.

2

Назар следил за ней из машины, подавляя желание выйти и незаметно приблизиться. Он хотел знать, что происходит, что Хильда задумала и смотрит ли она лишь на тех, за кем следит.

Он по-прежнему испытывал сильнейший дискомфорт, хотя, как ни странно, мальчик стал к этому привыкать. Не происходило ничего, что не вписывалось бы в рамки здравомыслия и морали, но он чувствовал: стоит ему выйти из машины, то есть сделать то, что она ему не разрешала, и он ухудшит свое незавидное положение.

Он мельком увидел, что в этом доме на отшибе проживает семейная пара в возрасте. Ему-то, конечно, они казались глубокими стариками, хотя где-то внутри он знал, что это не так. С расстояния мальчик их не рассмотрел, но почему-то появилась уверенность, что хозяева – хорошие люди. Быть может, у них были дети, которые жили далеко, в других краях, во всяком случае, здесь веяло – при взгляде на них – каким-то

чувством одиночества. Будто этим людям чего-то не хватало. Вернее кого-то. Скорее всего, как раз детей у них не было.

Назар осмотрелся. Машину она поставила так, чтобы не было видно из дома и с проселочной дороги. Он не понимал, почему Хильда привезла его сюда. С самого начала у него было ощущение, что она выбирает более оживленные места, вроде как затеряться в толпе, но сегодня с утра они покинули гостиницу на рассвете – все вокруг было пустынным, и Хильда даже выводила его через черный ход на автостоянку. Они покинули столицу, и за МКАД свернули на глухие второстепенные дороги. Ближе к полудню Хильда вывела машину на трассу, и спустя час они оказались в глухом поселке. Назар ни за что бы не определил, как далеко они отъехали от города. Миновав поселок, они оказались возле этого дома, чем-то напоминавшем хутор из двух старых домов, один из которых давно покинут.

Назар почувствовал страх при мысли, что Хильда повторит с хозяевами дома то, что она сделала с тем светловолосым мужчиной в его машине: возьмет чужую голову в свои руки, и... Назар больше не хотел этого видеть, хотя понимал: что бы он не сказал Хильде, это ничего не изменит, и по какой-то причине она сделает то, что считает нужным. Но мальчик знал: это – что-то нехорошее,

ведь людям больно, это – явное насилие.

Страх быстро иссяк. Было в движениях Хильды что-то такое, что убаюкивало, успокаивало. Ничего плохого она здесь не сделает, она лишь наблюдает, не более. Будь иначе, Хильда уже бы действовала. Всегдашний напор, уверенность, четкие и быстрые движения – все это явило бы себя без всякой паузы.

Так и случилось. Незаметная для хозяев, Хильда покинула свой наблюдательный пост, вернулась в машину и медленно, стараясь действовать, как можно тише, отъехала. Они миновали поселок, и Назар, оглянувшись, смотрел, как медленно опускается на дорогу потревоженная машиной пыль. Он недоумевал, что же они тут делали, зачем Хильде понадобилось так долго изучать стариков и уехать, даже не приблизившись к ним, но задавать вопросы не решался.

Они возвращались назад в город. Назар догадался об этом еще прежде, чем увидел поток машин на кольцевой дороге. Когда они въехали в Москву, Назар не выдержал и через силу заговорил:

– Куда мы едем?

– Не мешай, – она даже не посмотрела на него.

Она нахмурился, стараясь подавить страх, но тщетно.

– Я есть хочу, – сказал он чуть слышно.

Спустя минуту – он уже думал, что она не ответит – Хильда сказала одно слово:

– Потерпи.

Вскоре она припарковалась возле гипермаркета, и коротко кивнула мальчику: следуй за мной. Они подошли к кафе, где на террасе стояли столики, она коснулась его плеча, направляя.

– Выбирай еду.

Он выбрал. Она тоже взяла себе приличную порцию второго блюда и с жадностью ела, поглядывая по сторонам. Назар, утолив голод, почувствовал сонливость, но это продлилось недолго. Он заметил, как она задержала взгляд на подъехавшей машине, и догадался, что сейчас что-то произойдет.

Красный «БМВ» выглядел дорого, как и мужчина с женщиной, которые вышли из салона. Они о чем-то переговорили, он скорчил недовольную мину, она махнула рукой – манерный жест такой же недовольной девицы – и пошла ко входу магазина.

– Я подожду тут, – сказал он, провожая ее взглядом.

Хильда встала, глянула на мальчика, их взгляды встретились.

– Сиди и ничего не делай. Просто ешь.

Он хотел спросить, сколько ему ждать, но Хильда двинулась к мужчине из «БМВ». Конечно,

она ничего не ответит или бросит свое обычное «не мешай».

Хильда поравнялась с мужчиной, тот обратил на нее внимание. Она улыбнулась ему: искренняя улыбка полная восторга.

– Шикарная машина. И под твою одежду подходит.

– Спасибо.

Он слегка растерялся: не ожидал подобных реплик. Почему его одежда сочеталась с машиной – пусть даже на нем был темный костюм не из дешевых, – он не задумался. Он лишь уловил слова «шикарная машина». Его мозг суматошно решал: это – пустая болтовня или можно на что-то рассчитывать?

Странная – но стильная и эффектная – дамочка остановилась и уходить не собиралась. Он покосился на вход в гипермаркет. Хильда улыбнулась еще шире.

– Она ушла и нас не видит.

Он выдавил ответную улыбку.

– Вы о ком?

– Та стервочка, что приехала с тобой.

– А, понятно. Это... кума. Попросила подвезти и привезти.

– Ясно. Я как раз хотела предложить кое-что. Начихать на всех и укатить вдвоем. Куда-нибудь.

Он попытался придать себе бесстрастный вид,

и это вызвало у нее желание рассмеяться.

– Э-э... Даже не знаю. Может, чуть позже встретимся?

– Шучу. Я вот тоже несвободна, – Хильда оглянулась и указала ему на мальчика за столиком.

– На мне сегодня племянник.

– Тогда завтра?

Она кивнула.

– Здесь, в это же время.

– Слушай, дай мне свой номер. На всякий случай.

Она высунула кончик языка, подразнила его.

– На всякий случай: если хочешь меня лицезреть, придешь завтра сюда, без всяких номеров. Уж постарайся. Если хочешь не только встретиться.

Он вздрогнул от такого прозрачного намека, покосился на вход в гипермаркет.

– Ладушки, я пошла. А то еще твоя... кума не вовремя появится. И ты не сможешь завтра сюда прискакать.

– Может, обменяемся телефончиками? Для надежности.

– Хочешь со мной по телефону болтать или провести со мной время?

Он натянуто улыбнулся.

– Я буду завтра, нет проблем.

– Нет проблем? Ты совсем, как Железный

Арни.

– Как кто?

– Неважно. Приезжай завтра.

Она пошла назад к Назару. Она закадрила мужика, и они оба это знали. У него слюна текла от предвкушения в прямом смысле. Он смотрел на ее зад в обтянутых тонких брюках, и едва сдерживался, чтобы не догнать и не договориться конкретней. Он какое-то время побродил неподалеку от ее столика, но она даже не смотрела на него, и он пошел в гипермаркет.

– Поехали, – сказала Хильда.

Она встала, не оглядываясь на мальчика, зная, что он пойдет за ней, безропотно и торопясь. Ему все больше хотелось взбунтоваться – таскает его за собой, как собачку, не обращая внимания, не заботясь, – но он понимал, что идти ему некуда. Тем более, один раз она его спасла, а был кто-то еще, кто готов был повторить попытку человека, которого Хильда называла «Соперник».

Назар сел в машину, поглядывая на гипермаркет, отыскивая взглядом того мужчину, с которым разговаривала Хильда. Частично он слышал их диалог, но мало что понял. Странность в поведении Хильды пугала все сильнее. Казалось, она плела какие-то сложные кружева или узоры. Не верилось, что подобный человек делал что-то просто так, не обдумав, к чему это приведет, ради

чего это надо. Все ее действия наверняка были выверенными и ведущими к определенной цели.

Кто она такая? Сколько она будет его с собой возить? Пока не минует опасность? И что потом?

От потока вопросов, на которые невозможно получить ответ, он готов был расплакаться. Он хотел к папе и маме, но родители мертвы, больше никого рядом нет, кроме этой странной тетки, которую он боится все больше и больше, но которая при этом его спасительница.

Хильда медленно поехала по проспекту, поглядывая на прохожих, на водителей и пассажиров встречных – или обгоняющих – машин. Неожиданно она вывернула шею, провожая взглядом прошедший автобус. Она вдавила акселератор, обогнала пару машин, развернулась, нарушая правила, поехала следом за автобусом.

Спустя несколько остановок Хильда припарковала машину. Назар вместе с ней всмотрелся в тех, кто вышел на остановке. Автобус поехал дальше. Среди нескольких человек в глаза бросилась старушка с палочкой. Сгорбленная, она едва шла, поглядывая вперед лишь, когда останавливалась. Все разошлись, а она брела, как огромная и неуклюжая черепаха. Кое-как она одолела переход на зеленый свет, и оказалась на тротуаре противоположной стороны дороги.

Хильда вышла из машины. На этот раз она

ничего не сказала Назару, даже не посмотрела на него. Она быстро перешла проспект по пешеходному переходу, нагнала старушку, которая со стороны, казалось, вообще не двигается, настолько медленно она шла. О чем-то поговорила. И Назар увидел, как они вдвоем – Хильда поддерживала старушку под локоть – идут назад. К машине.

Хильда уговорила старушку, что подвезет ее к самому дому. Она распахнула правую заднюю дверцу, поддерживая, помогла забраться. Старушка бормотала что-то невнятное, с благодарностью, с чувством.

Когда она уселась, Хильда пригнулась, положила ладони старушке на голову. И что-то быстро, отчетливо сказала. Три-четыре слова.

Старушка дернулась и обмякла. Не сразу, постепенно, как если бы сознание покидало ее по каплям. Назар, испугавшийся, не ожидал, что все закончится настолько быстро. Он настроился на длительное бормотание, жуткие стоны. Но ни на это.

Хильда отстранилась, разглядывая лицо обмякшей старушки. Она подалась к старушке, приложила ладони на голову, закрыла глаза. Быть может, она что-то бормотала, но ничего разобрать было нельзя.

Хильда что-то достала из кармана –

маленькую бутылочку. Отвинтила крышечку, сунула старушке под нос. Назар уловил слабый неприятный запах. Хильда поводила бутылочкой под носом, старушка вздрогнула, открыла глаза, закричала, недоуменно оглядываясь по сторонам. Хильда с участием похлопала ее по плечу.

– Вставайте. Вы потеряли сознание, и мне пришлось вас сюда втащить. Я справилась: теперь вы в сознании.

Старушка, ахнув, попыталась поблагодарить Хильду, но та прервала ее излияния:

– Идите домой. Чтоб ни соседи не волновались, ни ваши родные.

Она помогла старушке выйти, легким движением направила ее прочь. Та посеменила, не оглядываясь. Выждав пару минут и ухмыляясь, Хильда села в салон. Машина отъехала. Назар сквозь мутное заднее стекло наблюдал, как уменьшается фигурка, которая с каждой секундой все больше напоминала черепаху, медленно ползущую по морскому песку.

Все недавние действия Хильды вызвали у Назара полное оцепенение. Или были какие-то подводные течения, в которых Назар просто-напросто не понимал?

Хильда по-прежнему молчала, сосредоточенная на своих мыслях.

Марат спешил, при этом стараясь не превышать скорость. Его остановил окрик Краза:

– Стоп! Останавливайся! Хватит!

В голосе был надрыв, паника, слабость. Марат не заставил повторять ему приказ-просьбу. Он припарковал машину сразу же, благо они покинули проспект, и очередная улица позволяла остановиться в любом месте.

Марат увидел это в зеркальце заднего обзора, не в силах сдержаться, оглянулся. Непонятно, откуда Краза извлек прозрачную пластиковую бутылку молока, но она существовала в реальности, и почти всю ее Краза вылил Амиуц в рот.

Тот хватал молоко, как выброшенная на берегу рыба хватается ртом воздух, только еще быстрее и с большей жадностью. Молоко струйками стекало Амиуц на грудь, живот, плечи, хотя большую часть он все же выпил. В каком-нибудь другом случае эта картина вызвала бы у Марата приступ омерзения, тошноты, но не сейчас. Сейчас Амиуц вызывал у него жалость. Голодный, едва не погибший в какой-то иной реальности, потерянный и брошенный – все это породил вид человека, взяв хлеб пьющего молоко.

Молоко было теплым и свежим, как из-под

коровы. Или таким его представлял запах. Вопреки воле, вопреки происходящему – нехватка времени, напряжение и страх – Марат вспомнил детство. Воспоминание пришло волной: она обрушилась на берег, который был сухим и неповрежденным еще считанные минуты назад. Он не просто вспомнил, он окунулся в само Воспоминание, и перед глазами запестрели краски: старая хата, огород за ней, хлев, сеновал. Коровы ленивым мычащим потоком идут с выпаса по домам летним вечером. Старые ивы напротив дома скрипят под осенним ветром. Девственно чистый снег за домом и сеновалом зимой. Дедушка со своей всегдашней улыбкой-ухмылкой: левый уголок рта постоянно опущен, глаза прищурены. Бабушка суетится с корзиной картошки, приговаривая что-то на языке, который используется лишь в сельской местности. Двоюродная сестра и дядька, ее отец, у своей старенькой машины. Соседские старушки на скамейке. Корова Телушка принимает угощение в виде куса хлеба из рук. Курица заскочила в сарай и мечется в поисках выхода.

И это сотворил лишь запах? Как мало надо, чтобы открыть шлюзы памяти.

Но это было не все. Краза откинул пустую бутылку и вытащил в стиле фокусника еще один предмет. Поменьше, желтого цвета. Гигантская груша, красно-желтая, с отливом. Марат не успел

подумать, куда нужен фрукт, а Краза одной рукой задрал голову Амиуц и вынудил его открыть рот как можно шире. Груша зависла над полураскрытым ртом, Краза с силой сдавил ее.

Марату показалось, что он видит, как тонкие нити сока уходят в раскрытый рот Амиуц. Тот закашлялся. Краза позволил ему отвлечься, после чего вновь сдавил мякоть груши над губами напарника. Чем больше попадало в рот сока, тем спокойнее становился Амиуц. Он еще хрипел, лицо казалось ужасным, но эти странные судороги проходили.

Марат, вернувшийся из краткого – но мощного и правдоподобного – экскурса в собственное прошлое, вновь окунулся туда: на этот раз не так глубоко и относительно кратко. Сок груши вынудил его вспомнить деревья на участке дедушки и бабашки в деревне. Их было всего четыре: три яблони и – последняя – груша. Они росли друг за другом, позади сеновала, и их окружало поле, огород. Марат с сестрой любили взбираться именно на грушу – яблони были низкими и неудобными для их забав, с хрупкими ветвями. Стволы окружали зеленые пятачки травы – вокруг них простиралась серая вспаханная земля. Марат с сестрой любили сидеть под деревом, освещенные солнцем, ленились даже разговаривать, просто ничего не делали. Быть может, только тогда

он был по-настоящему счастлив.

– Поехали! – сказал Краза. – Уезжаем отсюда.

Марат!

Марат очнулся, с трудом избавляясь от наслоений прошлого. Краза хлопнул его по плечу.

– Здесь опасно.

Марат заметил, что редкие прохожие пялятся на них, внимательно и подозрительно. Он завел двигатель, машина отъехала от тротуара. Марат глянул в зеркальце заднего обзора и заметил, что с Амиуц ситуация улучшилась.

– Что с ним? – спросил он Краза.

– Приступ.

– Что за приступ?

– На самом деле это не приступ. Я так его обозначил. Для тебя. Чтобы легче понять, что к чему. Моего напарника отпустило. Тяжесть ослабла, но это всего лишь начало. Он едва избежал смерти и сумасшествия. Нужно подпитать его чем-нибудь подходящим.

– Едой?

Краза покачал головой.

– Не совсем. Еда тоже нужна, но не так. Я уже дал ему немного подкрепиться.

– Молоком?

– Молоко от коровы, которая сама выбирает пастбище, она никогда не была в стаде, у нее с рождения один хозяин, и он ее по-настоящему

любит. Почти, как член семьи. И ее молоко божественно по вкусу.

Последнюю фразу Краза произнес с особой интонацией. Благоговение? Перед молоком? Или перед коровой, которая его дает? Марат не смог бы объяснить, чем отличались последние слова.

– Но этого мало, очень мало. Я просто ослабил приступ, но скоро все вернется. Нам нужны «подпитки»: светлые места, приятные картинки, хорошие люди. Надо найти это быстро. Мне тоже... плохо, хотя по мне этого не видно. Меня тоже... прихватило.

– Что тебя тоже? – Марат глянул в зеркальце заднего обзора.

– Прихватило. Там, где и Амиуц. Когда я пытался его вытащить. Я тоже... едва не лишился разума.

Марат хотел признаться, что не понял. Он хотел получить хоть какое-то объяснение, но догадался, что сейчас для этого не время. Краза смотрел на него, и Марат осознал, что собеседник действительно чувствует себя неважно.

– Мне тяжело даже говорить, – подтвердил его мысли Краза. – Езжай, надо просто смотреть по сторонам. Потом я... все объясню.

Он странно обмяк. Марат пару раз оглядывался, убеждаясь, что человек дышит и в сознании. Теперь он не мог рассчитывать на